

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1989

9

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1989

9

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редакто-
ра*), акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, чл.-кор. АН
УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУ-
ЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР
М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), доктор
ист. наук З. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук Ш. С. ЗИЯ-
МОВ, доктор ист. наук М. И. ИСКАНДЕРОВ, доктор фи-
лол. наук Э. А. КАРИМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН,
доктор экон. наук П. Х. НАСЫРОВ, доктор филос. наук
Х. П. ПУЛАТОВ, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА,
доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук
Г. Р. РАШИДОВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕ-
ВА, доктор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук
К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. ШЕРМУХА-
МЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист. на-
ук Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1989 г.

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. Негматова*

Сдано в набор 6.10.89. Подписано к печати 23.10.89. P02818. Формат 70×108^{1/8}. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 5,81. Уч.-изд.
л. 6,0. Тираж 900. Заказ 222. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Логика перестройки, сама жизнь подвели нас к выводу, что и в национальных отношениях назрела потребность во всеохватывающих глубоких преобразованиях.

...Речь не идет о том, чтобы отбросить сделанное до сих пор. Но на нынешнем этапе, когда наше общество коренным образом изменилось, возникла насущная потребность выработать такую национальную политику, которая обеспечила бы решение назревших проблем развития страны, отвечала реалиям современности. На таких подходах и построена платформа. Ее... глубинный философский смысл заключается в том, чтобы определить оптимальные формы соотношения интернационального и национального, применения этой марксистско-ленинской идеи в нынешней обстановке. А в практическом и политическом плане — обеспечить условия для свободного и всестороннего развития каждой нации и упрочения Союза, являющегося источником благосостояния всех наших народов.

Из доклада М. С. Горбачева на сентябрьском (1989) Пленуме ЦК КПСС.

Отмечая принципиальное значение развития советской федерации, повышения роли национальной автономии, решения насущных экономических и социальных проблем всех народов, населяющих страну, партия считает необходимым резко оживить идейно-теоретическую работу в этой области.

...Национальная политика КПСС требует новых подходов к организации комплексных теоретических и этносоциологических исследований объективных процессов развития наций и национальных отношений в стране, освобождения теории и практики от догматизма и стереотипов, использования мирового опыта решения национального вопроса, выработки научно обоснованных рекомендаций.

Из Платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях».

Т. С. НУРУЛЛАЕВ

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ УСКОРЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Реализация исторических решений XXVII съезда партии, последующих Пленумов ЦК КПСС, XIX Всесоюзной партконференции по перестройке и обновлению общественной жизни страны в решающей мере зависит от того, добьемся ли мы качественных сдвигов в экономике, сумеем ли перевести ее на рельсы интенсивного роста и, в конечном счете, обеспечить повышение эффективности производства.

Известно, что основой качественного преобразования производительных сил всегда было ускорение научно-технического прогресса (НТП). Решающая роль его в социально-экономическом развитии страны заключается в том, что он оказывает определяющее воздействие на все факторы интенсификации производства. Вот почему еще до XXVII съезда партии вопросам ускорения НТП было посвящено специальное совещание в ЦК КПСС, выступая на котором, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отметил: «Задачи развертывания научно-технического прогресса столь неотложны, что действовать надо, не теряя времени. Они охватывают широкий круг текущих и перспективных проблем — экономических, организационных, социальных, развития культуры и образования, деятельности верхних эшелонов управления и каждого звена народного хозяйства»¹.

Чтобы обеспечить уже в ближайшую перспективу необходимую перестройку материально-технической базы народного хозяйства, рост производительности труда и эффективности производства, надо сконцентрировать имеющиеся средства на ключевых направлениях научно-технического прогресса, массовом внедрении эффективных, апробированных практикой технических новшеств, быстро и эффективно вести научные исследования, проектные и конструкторские разработки, направленные на создание и освоение принципиально новой техники и технологии. При этом имеются в виду базовые для каждой отрасли техника и технология, которые должны быть выведены на качественно новый уровень, т. е. параметры их должны быть не ниже мировых достижений или даже превышать их.

Неотложность указанных задач обусловлена негативными явлениями и неблагоприятными тенденциями в социально-экономическом развитии страны, которые устойчиво сохраняются уже в течение довольно длительного времени. Так, по стране в целом среднегодовые темпы прироста произведенного национального дохода снизились с 5,7% в девятой пятилетке до 3,6% в одиннадцатой, производства промышленной продукции — соответственно с 7,4 до 3,7%, производительности общественного труда — с 4,5 до 3,1%, реальных доходов на душу населения — с 4,4 до 2,1%.

¹ Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии. М., 1985. С. 4.

Особенно остро эти негативные процессы проявились в нашей республике. Среднегодовые темпы прироста валового общественного продукта за указанный период снизились с 7,2 до 3,6%, произведенного национального дохода — с 6,8 до 0,7%, производительности общественного труда — с 3,8 до 0,7%. А в среднем за два первых года двенадцатой пятилетки производительность труда снизилась еще на 1,2%. Если в одиннадцатой пятилетке среднегодовой темп прироста реального дохода на душу населения в республике составлял 4,6%, то за два года двенадцатой пятилетки, вместо прироста, этот показатель ухудшился на 1,1%.

Экономика страны в рассматриваемый период развивалась преимущественно на экстенсивной основе. Страна начала отставать в научно-техническом развитии, во всех сферах жизни накапливались трудности и нерешенные проблемы, появились застойные и другие чуждые социализму явления.

На июньском (1987) Пленуме ЦК КПСС, посвященном задачам партии по коренной перестройке управления экономикой, отмечалось: «Мы начали явно уступать одну позицию за другой, а в повышении эффективности производства и качества продукции, в научно-техническом развитии разрыв в сравнении с наиболее развитыми странами стал увеличиваться не в нашу пользу»².

В этих условиях особую значимость обретает проведение глубокого объективного анализа развития науки, техники и производства в различных регионах и отраслях народного хозяйства с целью выявления узких мест и выбора приоритетных направлений научно-технического прогресса, максимального использования резервов ускорения развития науки и техники, усиления их воздействия на эффективность производства.

Исходной предпосылкой ускорения научно-технического прогресса служат систематическое развитие и эффективное использование научно-технического потенциала страны, широкое развертывание фундаментальных и прикладных научных исследований. Наука в современных условиях производства стала специфической отраслью народного хозяйства, призванной вырабатывать новые знания и исследовать возможности их практического применения. Поэтому для нормального функционирования она должна располагать собственными кадрами, материальными и финансовыми средствами, накопленной информацией и соответствующей сетью научно-исследовательских учреждений и организаций.

Наша страна является крупной научной державой, в которой насчитывается свыше 5 тыс. различных научно-исследовательских учреждений и организаций.

Узбекистан также обладает солидным научным потенциалом, представляемым более чем 200 академическими и отраслевыми научно-исследовательскими институтами, конструкторскими бюро, высшими учебными заведениями и другими научными учреждениями.

Важнейшей характеристикой развития научно-технического потенциала страны являются численность и квалификация научных кадров.

В 1986 г. среднегодовая численность научных работников (включая научно-педагогические кадры вузов) по стране в целом составила 1500,5 тыс. человек, или примерно 1,4% всех рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве. Контингент научных работников в Узбекской ССР на конец 1986 г. превысил 38 тыс. человек, или чуть более 0,6% всех рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве. Динамика роста научных кадров в республике за 1960—1986 гг. и их квалификационный состав характеризуются данными табл. 1.

² Материалы Пленума ЦК КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., 1987. С. 38.

Как видим, за рассматриваемый период контингент научных работников в республике вырос в 3,7 раза (по стране в целом — в 4,3 раза), тогда как среднегодовая численность рабочих, служащих и колхозников, занятых в народном хозяйстве, увеличилась в 2,8 раза (по стране в целом — в 2,9 раза). Это свидетельствует, с одной стороны, об опережающем развитии науки по сравнению с другими видами деятельности, а с другой, — о заметном ее отставании в нашей республике по сравнению с Союзом в целом. Однако численность наиболее квалифицированной части научных работников растет в республике быстрее, чем по стране: количество докторов и кандидатов наук в УзССР за этот период выросло соответственно в 5,7 и 6,5 раза, а по Союзу в целом — в 4,2 и 4,8 раза. Это объясняется тем, что определенная часть высококвалифицированных научных кадров готовится не только в самой республике, но и в ведущих научных центрах страны.

Таблица 1

Динамика и квалификация научных кадров в Узбекской ССР за 1960—1986 гг.*

Показатели	Годы				
	1960	1970	1980	1985	1986
Всего научных работников (включая научно-педагогические кадры вузов)	10 329	25 244	35 288	38 093	38 056
в том числе:					
доктора наук	222	494	939	1 215	1 262
кандидаты наук	2 442	6 507	12 992	15 664	15 968
Из общей численности научных работников имеют ученые звания:					
академика, члена-корреспондента, профессора	241	423	764	934	1 014
доцента	1 021	2 126	3 941	5 074	5 117
старшего научного сотрудника	431	956	1 509	1 777	1 739
младшего научного сотрудника и ассистента	687	890	1 593	1 150	1 102

* Народное хозяйство Узбекской ССР за 70 лет. Ташкент, 1987. С. 29.

О научно-техническом потенциале республики наглядно говорит и число обучающихся и ежегодно выпускаемых аспирантов. За 1960—1986 гг. численность аспирантов (обучающихся очно и заочно) возросла в 2,2 раза и составила на конец 1986 г. 3106 человек, в том числе в научных учреждениях — 1451, в высших учебных заведениях — 1655 человек (в целом по стране рост аспирантов составил 2,5 раза, их численность — 96,1 тыс., в том числе в научных учреждениях — 38,9 тыс., в вузах — 57,2 тыс. человек). Ежегодный выпуск аспирантов в УзССР возрос с 358 в 1960 г. до 793 в 1966 г., или в 2,2 раза, тогда как, например, в 1940 г. в республике насчитывалось всего 347 аспирантов, а выпуск их составил 30 человек. Но несмотря на высокую интенсивность подготовки научных кадров через аспирантуру, в республике ощущается их недостаток по ряду важнейших научных направлений; планы приема аспирантов недостаточно увязаны с потребностями народного хозяйства в научных кадрах тех или иных специальностей.

Один из обобщающих показателей интенсивности научно-технического развития — затраты на науку из государственного бюджета и

других источников. Их объем и динамика во времени показывают масштабы и тенденции в развитии науки и технического уровня производства. Анализ соотношений затрат на фундаментальные и прикладные научно-исследовательские работы, а также на проектно-конструкторские, технологические и опытно-экспериментальные работы позволяет выявить узкие места в научно-организационной сфере, принять необходимые меры к повышению эффективности научной деятельности.

Так, в Узбекской ССР расходы на науку из государственного бюджета имеют тенденцию к неуклонному повышению.

Из данных табл. 2 видно, что за рассматриваемый период абсолютные затраты на науку возросли более чем в 2 раза, однако темпы их роста заметно отставали от темпов роста национального дохода.

Таблица 2

Расходы на науку из государственного бюджета Узбекской ССР и их доля в произведенном национальном доходе

Показатели	Годы				
	1960	1970	1980	1985	1986
Расходы на науку из государственного бюджета, млн. руб.	28,8	30,1	50,3	54,7	57,9
Расходы на науку в процентах от произведенного национального дохода	0,72	0,35	0,29	0,25	0,27

Еще более четкую картину отставания развития науки в республике можно увидеть при сравнении ее доли в национальном доходе с аналогичными показателями по стране в целом. Доля расходов на науку в национальном доходе страны составляла: в 1970 г.—4,0%, в 1980 г.—4,8% и в 1985 г.—5,0%. Отсюда очевидна необходимость дальнейшей интенсификации науки в республике, особенно ее новых отраслей и направлений, поскольку, как показывает опыт развитых стран, их достижения базируются на неуклонном росте наукоемкости и науковооруженности отраслей народного хозяйства.

Эффективность научно-технического развития, воздействия НТП на производство и решение социальных задач зависит как от темпов его ускорения и масштабов распространения, так и от уровня использования достижений науки и техники. В новых условиях хозяйствования анализ результатов и затрат на научно-техническую деятельность на всех стадиях цикла «наука — техника — производство» имеет первостепенное значение и составляет одну из важных задач планирования и управления НТП.

Результаты научно-технической деятельности характеризуются прежде всего показателями выполнения плана научно-исследовательских, проектно-конструкторских и других работ, сроками их выполнения и состоянием внедрения в производство законченных исследований работ. Такой анализ позволяет, во-первых, судить об эффективности использования наличного научного потенциала республики, а во-вторых,— о результативности действующего механизма реализации передовых научных достижений.

В нашей республике сохраняется устойчивое увеличение объемов ежегодно выполняемых тем и соответственно фактически законченных научно-исследовательских работ. Вместе с тем значительная часть завершенных разработок внедряется в производство в течение 5—7 лет и более, что сказывается не только на наукоотдаче, но и на эффективности общественного производства.

Одна из причин, сдерживающих внедрение законченных научно-исследовательских разработок в производство,— недостаточная налаженность и маломощность опытно-конструкторских и экспериментально-производственных организаций, призванных осуществлять апробацию нововведений. По некоторым расчетам, на эти этапы процесса прохождения новинок приходится соответственно до 25 и 15% всех причин, сдерживающих внедрение их в производство. Особенно сильно это сказывается на прохождении результатов научно-исследовательских работ академических институтов и общетехнических вузов, зачастую не имеющих собственной опытно-конструкторской и экспериментально-производственной базы. Вследствие этого, например, доля их работ в общем количестве принимаемых министерствами и ведомствами УзССР к рассмотрению и внедрению в производство научных рекомендаций составляет менее 10%. В этой связи заслуживают одобрения предложения о расширении сети отраслевых (проблемных) лабораторий академических научно-исследовательских институтов естественно-технической специализации, а также вузов в соответствующих их профилю отраслях или крупных производственных объединениях.

Таблица 3

Число созданных образцов новых типов машин, оборудования, аппаратов, приборов и средств автоматизации

Показатели	1971—1975 гг.		1976—1980 гг.		1981—1985 гг.		1986 г.
	всего	в среднем за год	всего	в среднем за год	всего	в среднем за год	
Всего	150	30	172	34	229	46	37
Машин, оборудования и аппаратов	133	27	121	24	156	31	34
из них по видам оборудования:							
электротехническое оборудование	49	10	16	3	26	5	9
сельскохозяйственные машины	16	3	28	6	33	7	7
оборудование для легкой промышленности	27	5	27	5	37	7	4
химическое и насосно-компрессорное оборудование	28	6	13	3	14	3	—
Приборов, средств автоматизации и средств вычислительной техники	17	3	51	10	73	15	3

Обобщающим показателем использования научно-технического потенциала, отражающим конечные результаты научно-технической деятельности, является число созданных образцов новых типов машин, оборудования, аппаратов, приборов и средств автоматизации.

Как видно из данных табл. 3, число созданных в республике образцов новых типов машин, оборудования, аппаратов, приборов и средств автоматизации в целом имеет тенденцию к росту, хотя и неравномерно по отдельным годам. Однако лишь сравнив их с аналогичными показателями по Союзу в целом, можно увидеть эффективность республиканской науки. Так, в 1986 г. в УзССР общее число созданных новых образцов машин и оборудования, приборов и средств автоматизации составляло 1,2% относительно аналогичного общесоюзного показателя (37 против 3110) и, соответственно, число машин и обо-

рудования — 1,4%, электрического оборудования — 2%, приборов и средств автоматизации — 0,4% и т. д., т. е. в среднем менее 2%, тогда как доля научных работников республики в общей их численности по Союзу превышает 2,5%. Это свидетельствует о более низкой отдаче научной деятельности в республике. Об этом же говорит и динамика удельного веса созданных образцов, технический уровень которых превышает лучшие отечественные и зарубежные образцы. В одиннадцатой пятилетке по сравнению с десятой среднегодовой уровень данного показателя у нас в республике снизился с 25% до 10%, а в 1986 г. и вовсе принял нулевое значение. Все это убедительно указывает на необходимость принятия неотложных мер по повышению научного потенциала республики и более эффективному его использованию.

Таблица 4

Затраты на внедрение мероприятий по новой технике в промышленности и их экономическая эффективность

Показатели	1971—1975 гг.		1976—1980 гг.		1981—1985 гг.		1986 г.	
	в среднем за год	доля в общесоюзном показателе, %	в среднем за год	доля в общесоюзном показателе, %	в среднем за год	доля в общесоюзном показателе, %	за год	доля в общесоюзном показателе, %
Число внедренных мероприятий по новой технике, тыс.	8,9	1,7	9,5	1,3	11,0	1,4	12,1	1,4
Фактические затраты на внедрение мероприятий (включая затраты прошлых лет), млн. руб.	100,4	1,6	147,1	1,7	181,8	1,6	160,0	1,2
Прирост прибыли от внедрения мероприятий в расчете на год, млн. руб.	42,7	1,8	48,7	1,6	59,7	1,8	85,7	1,9
Численность условно высвобожденных работников, тыс. человек	6,1	1,1	7,3	1,3	6,0	1,2	6,4	1,1
Годовой экономический эффект от внедрения новой техники, млн. руб.	58,6	1,7	92,1	2,1	87,3	1,7	112,3	1,8

Научно-технический прогресс в значительной мере зависит от того, насколько образцы новой техники воплощаются в продукции, повышают ее технический уровень. Средством практической реализации этого процесса является интенсивное обновление основных производственных фондов в отраслях народного хозяйства, особенно активной их части — машин и оборудования, приборов и средств автоматизации. При этом нормальный процесс обновления основных фондов предполагает не только ввод в действие новых их видов, но и пропорциональное выбытие основных фондов. Однако в республике требуемая пропорциональность в замене основных производственных фондов не соблюдается. Из года в год ввод новых основных фондов превышает их выбытие. Так, в республике отношение введенных основных фондов к общей их стоимости на конец 1985 г. по промышленности в целом составило 8,7%, в том числе при расчете отдельно по машинам и оборудованию — 11,1%, а отношение выбывших основных фондов к общей их стоимости соответственно составило 1,2 и 2,3%. Несколько улучшились эти показатели в 1986 г. и соответственно составляли по вводу основных фондов — 7,8%, в том числе по активной их части —

7,6%, а по выбытию основных фондов — 2,7%, в том числе по активной их части — 3,9%.

Особенно нежелательно допускать такой разрыв по машиностроительному комплексу народного хозяйства, который обеспечивает ускорение научно-технического прогресса в других его отраслях. В машиностроительном комплексе республики в 1985 г. ввод новых основных фондов составил 10,4%, их выбытие — 1,5%, в том числе по машинам и оборудованию, соответственно, 13,9 и 2,6%, а в 1986 г. ввод основных фондов — 10,6%, их выбытие — 3,2%, в том числе по машинам и оборудованию — 11,2 и 5,0%.

Все это неизбежно приводит к накоплению устаревших видов техники и оборудования, повышению доли изношенных основных фондов в их общем объеме, снижению качества вырабатываемой продукции и, в конечном счете, замедлению интенсификации производства. Так, в промышленности республики в результате указанных нарушений сбалансированности в замене основных производственных фондов систематически растет доля изношенной их части, и если в 1970 г. она составляла 23,3%, то в 1980 г. — уже 30,5%, в 1985 г. — 33,8% и в 1986 г. — 35,7%. В некоторых же отраслях промышленности почти половина основных производственных фондов является изношенной, например в металлургическом комплексе — 42,9%, в топливной промышленности — 47,0% и т. д. Как следствие этого в республике очень медленно растет удельный вес продукции высшей категории качества в объеме продукции, подлежащей аттестации. Если по стране в целом в 1980—1987 гг. удельный вес этой продукции значительно возрос и составил 47%, то в нашей республике ее доля составляла в 1980 г. 22,0%, в 1985 г. — 28% и в 1986 г. — 32,9%.

Экономическая эффективность научно-технического прогресса характеризуется целым рядом показателей. Среди них важнейшими являются прирост прибыли, получаемой в результате внедрения научно-технических мероприятий, показатели экономии производственных ресурсов, в первую очередь трудовых ресурсов, и, наконец, такой обобщающий показатель, как годовой экономический эффект. Сравнение этих показателей с общесоюзными дается в табл. 4.

Эти данные свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период эффективность научно-технического прогресса снижалась. Так, если в одиннадцатой пятилетке среднегодовые затраты на внедрение мероприятий увеличились по сравнению с девятой пятилеткой на 80%, то среднегодовой уровень прироста прибыли от внедрения этих мероприятий возрос лишь на 40%, число внедряемых в среднем за год мероприятий — на 23%, годовой экономический эффект — на 40%, а численность условно высвобожденных работников почти не возросла. Правда, в 1986 г. положение несколько улучшилось.

В целом же на основе рассмотренных выше тенденций научно-технического развития в республике можно сделать вывод, что современное состояние ее научного потенциала требует коренного совершенствования планирования и управления этим процессом, а прежде всего — совершенствования организационно-экономического механизма ускорения НТП.

Организационная структура республиканской науки должна обеспечивать эффективное использование ее научного потенциала путем выработки обоснованной научно-технической политики для региона, концентрации ресурсов на приоритетных направлениях научно-технического прогресса, согласованного взаимодействия научных подразделений и организаций при осуществлении научно-технической деятельности, ориентации их на достижение высоких конечных результатов. В связи с этим особую актуальность приобретает перестройка орга-

низационной структуры науки, включая создание принципиально новых организационных форм научно-технической деятельности, а также специальных подразделений, координирующих деятельность научных организаций по важнейшим направлениям развития науки и техники. Следует шире использовать программно-целевые методы планирования и управления НТП, методы разработки комплексных научно-технических программ, а для их решения и реализации создавать межотраслевые научно-технические комплексы и временные научные коллективы.

Круг проблем, обуславливающих ускорение НТП в республике, довольно широк и многие из них нуждаются в квалифицированном исследовании. Примерная систематизация их может быть представлена следующим образом:

1. Организационные структуры и организационные формы управления НТП

- 1.1. Сочетание отраслевого и территориального управления НТП.
- 1.2. Развитие НИИ и КБ, создание новых форм научно-технической деятельности — научно-производственных объединений, межотраслевых научно-технических комплексов, научно-технических центров и обществ.

2. Методы планирования НТП

- 2.1. Обоснование приоритетных направлений НТП и прогноз основных направлений развития науки и техники.
- 2.2. Влияние НТП на изменения в структурной и инвестиционной политике.
- 2.3. Разработка целевых научно-технических программ и комплексных программ НТП.
- 2.4. Планирование НТП на уровне предприятий и объединений.

3. Финансирование НТП

- 3.1. Государственные и региональные фонды финансирования НИИ и КБ, целевых научно-технических программ и научно-технических разработок.
- 3.2. Переход научных организаций на самофинансирование.
- 3.3. Финансирование НТП за счет единого фонда развития науки и техники предприятий и объединений.

4. Показатели экономической и социальной эффективности НТП

- 4.1. Оценка экономической эффективности внедрения новой техники и технологий.
- 4.2. Оценка экономической эффективности технического перевооружения и реконструкции производства.
- 4.3. Оценка экономической и социальной эффективности мероприятий по повышению технического уровня производства и научно-технической его базы в целом.
- 4.4. Оценка социальной эффективности снижения уровня ручного труда, особенно физически тяжелого и с вредными условиями производства.

5. Стимулирование развития НТП

- 5.1. Обоснование форм и методов стимулирования НТП.
- 5.2. Стимулирование НТП в условиях полного хозяйственного расчета и самофинансирования.
- 5.3. Методы стимулирования внедрения новой техники, реконструк-

ции и технического перевооружения действующих предприятий, освоения проектных показателей новых технологий.

5.4. Стимулирование НТП на основе совершенствования ценообразования.

6. Методы интеграции науки с производством

6.1. Развитие функциональных подразделений научно-производственных объединений и межотраслевых научно-технических комплексов.

6.2. Создание внедренческих фирм и посреднических организаций и рационализация их функций.

6.3. Расширение сети и повышение эффективности работы учреждений научно-технической информации, научно-технических центров и обществ.

7. Социально-экологические последствия НТП

7.1. Оценка влияния НТП на условия труда и здоровье людей.

7.2. Выявление и оценка экологических последствий НТП.

Глубокая разработка указанных проблем будет способствовать принятию правильных решений по интенсификации общественного производства в республике, повышению его эффективности, более полному использованию имеющегося научно-технического потенциала и улучшению механизма управления научно-технической деятельностью, внедрением ее результатов в производство.

Ш. Ф. ХАКИМОВ

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ФОНДАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ

Концепция ускорения социально-экономического развития страны, выдвинутая апрельским (1985) Пленумом ЦК КПСС, одобренная и развитая XXVII съездом партии, стала мощным импульсом для дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма, перестройки методов организации и управления социалистической экономикой.

Январский и июньский (1987) Пленумы ЦК КПСС, подтвердив необратимость взятого партийным съездом курса, конкретизировали его по многим позициям общей стратегии ускорения, ввели в плоскость практических дел.

В решениях XXVII съезда КПСС подчеркивалась необходимость дальнейшего развития и повышения действенности хозяйственного расчета с тем, чтобы система рычагов и стимулов давала реальные преимущества тем трудовым коллективам, которые добиваются успехов в ускорении научно-технического прогресса, выпускают лучшую продукцию, повышают рентабельность производства¹.

На XIX Всесоюзной партийной конференции Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отметил, что для увеличения производства и повышения качества продукции, быстрее насыщения рынка продуктами питания надо оздоровить обстановку в народном хозяйстве, создать более благоприятные условия для действия экономических рычагов и стимулов².

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 149.

² Правда. 1988. 29 июня. С. 3.

Осуществление курса на ускорение социально-экономического развития страны обусловило необходимость радикального обновления нашего законодательства. Это вызвано тем, что действующее законодательство оторвалось от реальной ступени экономической зрелости хозяйственного комплекса, а потому, в частности, не было в состоянии оказывать прогрессивное воздействие на производственные отношения, не способствовало интенсификации производства, привело к тому, что общенародная собственность стала как бы «ничейной». Образовался юридический механизм торможения экономики — правовая форма не содействовала созданию такого положения, при котором ассоциированные работники относились бы к принадлежащим им средствам производства и продуктам своего труда «как к своим собственным продуктам и предметным элементам своей современной деятельности»³. Стремление решать все проблемы административными методами не могло обеспечить должного результата. По существу господствовало бюрократически-аппаратное представление об общественной собственности, когда органы отраслевого управления распоряжались ею бесконтрольно, как своей собственностью, часто ставя узковедомственные интересы выше интересов общества и трудовых коллективов. Это касается и системы экономического стимулирования, которая на протяжении ряда лет видоизменялась, однако полностью не выполняла своих непосредственных функций, что также приводило к инертности в экономике.

Чтобы лучше уяснить задачи и пути дальнейшего совершенствования законодательства, надо проанализировать этапы его развития с целью выяснения его отрицательных и положительных сторон.

Следует отметить, что основные принципы стимулирования производственных коллективов, как и всей системы материального стимулирования при социализме, были разработаны и теоретически обоснованы еще в первые годы Советской власти при непосредственном участии В. И. Ленина. Они создавались в процессе становления социалистического уклада хозяйства, в тяжелейших экономических условиях, в которых оказалась республика в те годы.

При царивших тогда в стране разрухе, голоде, острой нехватке самых необходимых предметов потребления, прогрессирующем обесценении денежных знаков заработная плата и денежные вознаграждения не могли иметь должного стимулирующего воздействия. Поэтому первые фонды стимулирования коллективов были натуральными. Они образовывались в соответствии с декретом СНК РСФСР «О премировании труда», принятым по инициативе В. И. Ленина в июне 1920 г.⁴ В этот же период при ВЦСПС было учреждено Межведомственное совещание по премированию, которое разработало общий порядок образования и использования натуральных поощрительных фондов. 23 октября 1920 г. СНК РСФСР утвердил «Временное положение о натуральном премировании»⁵.

В начале 1921 г. система натурального премирования охватывала около 2,1 млн. промышленных рабочих страны. Введение ее способствовало совершенствованию нормирования труда, повышению его производительности, успешному выполнению планов. Однако ограниченность собранного продовольственного фонда не позволила ввести натуральное премирование на большом числе предприятий.

В. И. Ленин оценил натурпремирование в тот период как «учреж-

³ Явич Л. С. Экономика, право и управление // Советское государство и право. 1988. № 5. С. 14—15.

⁴ СУ РСФСР. 1920. № 35. Ст. 239.

⁵ Там же. № 92. Ст. 497.

дение, принадлежащее к числу самых важных по роли в социалистическом строительстве»⁶.

В годы Великой Отечественной войны в связи с необходимостью мобилизации всех ресурсов на нужды обороны отчисления из прибыли в фонд директора и иные фонды материального поощрения не производились. После войны вновь встал вопрос о восстановлении и укреплении хозрасчетных начал в работе промышленности и других отраслей народного хозяйства, о повышении роли прибыли в оценке деятельности и материальном стимулировании производственных коллективов.

Фонд директора был установлен с 1 июля 1946 г.⁷ В декабре 1946 г. был введен новый порядок его образования и использования⁸. Он предусматривал дифференциацию нормативов отчислений от прибыли по отраслям промышленности в зависимости от их рентабельности и трудоемкости.

В июне 1960 г. для повышения заинтересованности в сверхплановых накоплениях были увеличены нормы отчислений в фонды предприятия от сверхплановой прибыли. Дифференциация нормативов отчислений по министерствам была заменена дифференциацией по отраслевому признаку. Следует отметить, что в тот период в основе стимулирования производственных коллективов лежали такие показатели оценки деятельности, поощрение которых не обеспечивало необходимой увязки интересов общества, предприятий и работников. Фонды материального стимулирования, образуемые по общим итогам деятельности, составляли мизерные суммы. В практике хозяйствования недооценивалось также значение материальной ответственности как обратной стороны стимулирования и важного условия обеспечения его эффективности.

Необходимо было коренным образом улучшить методы планирования, усилить материальную заинтересованность работников в итогах работы предприятия. В сентябре 1965 г. Пленум ЦК КПСС провозгласил курс на проведение экономической реформы, целью которой было обеспечение более быстрого развития производства и повышения его эффективности. 4 октября 1965 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства»⁹.

В 1966 г. на новую систему переводились преимущественно отдельные предприятия с высоким уровнем организации экономической работы. В 1967 г. начался перевод на новые условия работы больших групп предприятий, входящих в главки. Массовый перевод заводов и фабрик на новую систему был осуществлен в 1968—1969 гг. К началу 1973 г. в новых условиях хозяйствования работала подавляющая часть предприятий почти всех отраслей промышленности. Хозяйственная реформа внесла принципиальные изменения в систему материального стимулирования производственных коллективов.

Согласно законодательству, фонды экономического стимулирования состоят из фонда развития производства, фонда материального поощрения и фонда социального развития.

Фонд развития производства предназначен для финансирования капитальных вложений по внедрению новой техники, механизации и автоматизации, модернизации оборудования, обновлению основных

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 285.

⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 331.

⁸ СП СССР. 1946. № 14. Ст. 272.

⁹ Там же. 1965. № 19—20. Ст. 173.

фондов, совершенствованию организации производства и труда, а также на другие мероприятия по развитию производства.

Фонд материального поощрения предназначен для планирования работникам предприятий вознаграждений за годовые итоги работы предприятий, а также для оказания им единовременной помощи.

Фонд социального развития формируется из прибыли и предназначен для удовлетворения материальных и культурных потребностей работников предприятия.

В целях улучшения практики применения новой экономической системы планирования и экономического стимулирования производства Совет Министров СССР принял 30 сентября 1968 г. постановление «О мерах по улучшению практики применения новой системы планирования и экономического стимулирования производства»¹⁰, где было указано, чтобы министерства и ведомства при переходе подведомственных предприятий на новую систему утверждали для них стабильные на ряд лет нормативы отчислений от прибыли в фонд экономического стимулирования на основе исходных норм образования этих фондов, согласованных с межведомственной комиссией при Госплане СССР.

12 июля 1979 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР вынесли постановление «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности и качества работы»¹¹, внесшее ряд принципиальных изменений не только в систему фондообразующих показателей, но и в методы формирования поощрительных фондов с показателем оценки деятельности производственных объединений.

Сущность этих изменений состоит в реальном обеспечении принципа стабильности установленных нормативов для образования поощрительных фондов. В отличие от действовавшего в десятой пятилетке порядка образования поощрительных фондов, теперь директивно устанавливаются не плановые размеры поощрительных фондов, а нормативы образования фондов на единицу соответствующего фондообразующего показателя. В восьмой и девятой пятилетках предусматривался порядок использования единых нормативов отчислений в фонды в течение всех лет пятилетки, без дифференциации их по годам, что способствовало быстрому и большому росту поощрительных фондов.

Модернизация методов и структур управления в аграрном комплексе началась после майского (1982) Пленума ЦК КПСС. Был дан толчок к более эффективным формам хозяйствования. Одним из шагов на пути решения Продовольственной программы стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1986 г. «О дальнейшем совершенствовании экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе страны»¹², которое в целях повышения заинтересованности работников устанавливало более перспективные формы оплаты, а также премирования из фонда материального поощрения.

Следует отметить, что большое значение придавалось также укреплению дисциплины поставок, повышению качества продукции.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1985 г. «О широком распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на ускорение научно-технического прогресса»¹³ и от 5 июня 1986 г. — «О повышении ответственности объединений, предприятий и организаций за выполнение договоров поставки продукции и товаров»¹⁴, размеры отчислений в фонды

¹⁰ Там же. 1968. № 19. С. 135.

¹¹ Там же. 1979. № 18. Ст. 118.

¹² Там же. 1986. № 17. Ст. 287.

¹³ Там же. 1985. № 23. Ст. 115.

¹⁴ Там же. 1986. № 25. Ст. 140.

материального поощрения увеличиваются на 15% при полном выполнении заданий и обязательств по поставкам и уменьшаются на 3% за каждый процент невыполнения указанных заданий и обязательств. Кроме того, фонд материального поощрения уменьшается на сумму санкций, взысканных с объединений, предприятий и организаций за невыполнение обязательств по поставкам, но не более чем на 20% планового размера этого фонда.

Анализ работы предприятий показал, однако, что и по сей день еще не в полную меру используются возможности системы экономического стимулирования.

Принятие Закона СССР о государственном предприятии (объединении)¹⁵ значительно повысило роль экономических стимулов. В ст. 3 п. 1 Закона определено, что из остаточной прибыли по нормативам формируются фонды: развития производства, науки и техники; социального развития; материального поощрения или другие фонды аналогичного назначения¹⁶.

Вместе с тем следует отметить, что анализ законодательства о фондах экономического стимулирования свидетельствует о том, что акты, посвященные одним фондам, нередко содержат правовые нормы, относящиеся к другим фондам и резервам. Имеются и факты дублирования норм в законодательстве о фондах экономического стимулирования. Кроме того, до настоящего времени нормативного акта, полностью отражающего весь правовой режим фондов экономического стимулирования, не существует.

Совершенствованию организации деятельности хозяйственных органов способствует унификация ее правового регулирования. Это касается и законодательства о фондах экономического стимулирования, что позволит единообразно установить правовой режим данных фондов и его практическое применение. При унификации следует также помнить, что важно не только обеспечить единство их правового режима, но и учесть существующие особенности в деятельности предприятий отдельных отраслей. Системный подход к отражению в правовых нормах фондов экономического стимулирования будет способствовать повышению его роли. Таким унифицированным актом может стать Закон СССР о фондах экономического стимулирования, разработанный с учетом нормотворческой практики и предложений ученых-юристов. Закон этот не будет непосредственно гражданско-правовым актом, но необходимость наличия в нем гражданско-правовых норм бесспорна.

Закон о фондах экономического стимулирования позволил бы в полной мере реализовать преимущества новой системы управления и хозяйственного механизма. Он должен быть направлен на стимулирование развития социалистической экономики, способствовать дальнейшему укреплению экономической системы СССР.

¹⁵ Закон о государственном предприятии (объединении). М., 1988.

¹⁶ Там же. С. 6.

Р. А. САФАРОВ

О ПЕРЕСТРОЙКЕ СИСТЕМЫ МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ

Осуществляемая в стране перестройка поставила новые ответственные задачи перед нашей периодической печатью. Жизнь убедительно показала, что сама структура ее, сложившаяся в прошлом, вошла в противоречие с политическим и экономическим развитием

общества на современном этапе. Об этом прямо сказано в принятом недавно постановлении ЦК КПСС «О некоторых вопросах перестройки центральной партийной печати».

ЦК КПСС предложил ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам пересмотреть структуру своих изданий и привести ее к 1990 г. в соответствии с новыми требованиями, при необходимости перепрофилировав находящиеся на партийном бюджете отраслевые органы печати; принять меры для улучшения их содержания, снижения убыточности. В этом отношении большую работу предстоит проделать и в нашей республике, поскольку ряд изданий себя не оправдал, отдельные газеты и журналы нуждаются в уточнении своих функций и профиля.

Важно отметить, что постановлением ЦК КПСС республикам предоставляется право самостоятельно решать вопросы об открытии, закрытии и переименовании районных, городских, областных, республиканских и некоторых других категорий газет и журналов в пределах выделяемых на эти цели фондов бумаги и при условии рентабельности открываемых изданий.

Наши предложения, выдвигаемые в данной статье, отвечают духу и конкретным рекомендациям ЦК КПСС. Разумеется, мы не претендуем на истину в последней инстанции. Очевидно, будут и другие предложения. Важно одно: пресса должна работать на перестройку, активно участвовать в созидательном труде советского народа.

...Начальник одного из областных управлений по делам издательств, полиграфии и книжной торговли рассказал про такой случай. Приехавшие на ярмарку сельские кооператоры, отпуская товар, завораживали его в... еще непросохшие экземпляры сегодняшнего номера районной газеты.

Сам по себе этот факт не вызвал бы особого удивления. Будем реалистами: газеты иногда используют не только для того, чтобы читать. Удивительно другое: откуда продавцы взяли столько экземпляров свежайшего номера «районки»?

Оказывается, минувшей осенью район «заваливал» план по подписке на местную газету. В организации была спущена жесткая разрядка с обещанием строгих мер к нерадивым. Значительное число экземпляров было записано и за райпотребсоюзом. Там вопрос решили просто: «скинулись» и план по подписке выполнили.

Не будем называть район, в котором это происходило. Не потому, что питаем скрытые симпатии к тамошним кооператорам или хотим замазать огрехи районных журналистов, чья продукция не находит иного применения.

Конечно, это не повсеместное явление. В стране, да и в Узбекистане, немало отличных, боевых «районков», пользующихся авторитетом у читателей, активных проводников политики партии в районе, инициативных участников перестройки, зачинателей многих полезных дел. Но есть и такие, о которых в районе не услышишь ничего хорошего. Подписка на них проводится в порядке принудительного ассортимента — в комплекте, скажем, с дефицитным журналом «За рулем», а киоскеры продают их, вложив в «Собеседник». И этих газет тоже немало.

В нашу задачу здесь не входит глубокий анализ причин того, почему так происходит. Признаем только, что, наряду с субъективными причинами, есть и объективные. Как бы то ни было, со своими основными функциями районная печать в целом не справляется. Освещать деятельность трудовых коллективов по выполнению ключевых народнохозяйственных, социально-политических и воспитательных задач, раскрывать содержание организаторской и идейно-воспитательной работы первичных партийных организаций, содействовать укреп-

лению дисциплины и порядка, развитию инициативы трудящихся, освещать работу совхозов и колхозов, предприятий агропромышленного комплекса по выполнению Продовольственной программы, пропагандировать и утверждать советский образ жизни, укреплять связи с читателями — вот далеко не полный перечень задач, которые ставит сегодня партия перед районными газетами. В условиях перестройки, когда каждый новый день знаменуется важными событиями в общественно-политической, хозяйственной и социально-культурной жизни, районные газеты просто не успевают откликнуться на новые задачи, воплотить их в полной мере.

Подойдем к проблеме с другой стороны — экономической. Возможно, кому-то этот подход покажется грубо утилитарным. Но жизнь все настойчивее разубеждает нас в этом.

Во что обходится государству выпуск районных газет? Не секрет, что большинство из них — убыточные. В системе Госкомиздата УзССР издается 143 наименования «районок», и почти ни одна из редакций не отказалась пока от потребления государственной дотации. Общая сумма ее только в 1986 г. составила около 5 млн. руб. Вкупе с расходами на содержание областных редакций, в основном тоже убыточных, сумма дотаций достигает 7 млн. руб. В целом же по Союзу ныне издается более 3780 районных, городских, объединенных и окружных газет. Рентабельных среди них — 17%. На содержание остальных в 1986 г. израсходовано 70 млн. руб. Ни одной рентабельной газеты нет в Туркмении, Таджикистане, Киргизии и лишь единицы их — в Молдавии, Казахстане.

Оправданы ли такие траты? Вопрос, конечно, не простой. Его не следовало бы и ставить, если бы речь шла об эффективной идеологической и организационной работе районной печати. Но если авторитет ее таков, что приходится прибегать к навязыванию подписки, а часть расходов идет на совсем иные цели, то вопрос становится не только уместным, но и обретает особую остроту.

Не будем ломиться в открытую дверь. Необходимость перестройки средств местной печати подчеркивалась еще в принятых в 1984 г. постановлениях ЦК КПСС — «О дальнейшем улучшении деятельности районных и городских газет» и Совета Министров СССР — «О мерах по укреплению материально-технической базы объединенных, окружных, городских и районных газет». В них, в частности, были определены меры по совершенствованию финансово-экономической деятельности редакций, сокращению расходов на выпуск газет, переводу редакционных коллективов на безубыточную, прибыльную работу.

Задача ясная. Снизить убытки, обеспечить прибыль — значит создать дополнительные условия для улучшения качества газеты, обогатить ее содержание, повысить действенность печатного слова.

Есть два основных пути увеличения доходов. Первый — рост тиража. Тираж газеты, как известно, зависит от ее содержания. Красно-речивый опыт по улучшению содержания районных газет, увеличению их тиражей накоплен в республиках Прибалтики. Здесь большинство «районок» прибыльные, причем достигнуто это в течение последних 10—15 лет. Ориентируясь на прибалтийский опыт, надо, однако, помнить, что он не везде применим в полной мере.

По своему содержанию районные газеты в республиках Средней Азии уступают прибалтийским. Тут, как говорится, вагон работы. Но даже достигнув уровня мастерства своих коллег из Эстонии и Латвии, районные журналисты Средней Азии вряд ли обеспечат столь же высокие тиражи. Скажется ряд местных социально-демографических факторов. Расчеты показывают: перевод «районки» на безубыточность возможен при разовом тираже газеты от 10 тыс. экз. и выше. Но какого максимального тиража может достичь газета в районе с числен-

ностью населения 10—30 тыс. человек? В степных и горных зонах Узбекистана таких районов не меньше 14. Здесь тираж в 2—3 тыс. экз.—предел. О рентабельности и помышлять не приходится.

Далее. Лучшие «районки» в Прибалтике выходят такими тиражами, что один экземпляр каждого номера приходится на 4—5 жителей района. Следовательно, в районе с числом жителей 50—70 тыс. человек тираж газеты составляет 12—15 тыс. экз. Учтем, однако, что средняя семья в Прибалтике состоит из 3—4 человек. В Узбекистане же — из 6—8. В два раза больше! Значит, в районе с той же численностью, работая на том же уровне охвата читательской аудитории (т. е. по принципу: газету — в каждый дом, каждой семье), журналисты «районки» в УзССР добьются тиража вдвое меньшего: 6—7 тыс. экз. О рентабельности все равно нельзя вести речь. Между тем число жителей в 50—70 тыс. человек характерно для доброй половины районов Узбекистана.

Второй путь — увеличение доходов от публикации объявлений. При хорошей организации раздела рекламы редакционные доходы резко идут вверх. Но раздел нужно организовать, а это хлопотно и не всегда удается. Специалиста по рекламе в штате районных редакций не предусмотрено. Редактировать и организовывать объявления поручают кому-либо из журналистов, причем на общественных началах, поскольку гонораров за рекламные тексты не платят, а размер премии, предусмотренной сотруднику, обеспечившему выполнение редакцией годового плана по доходам от объявлений, гораздо меньше тех гонораров, которые он получил бы, работая над собственными, журналистскими материалами — теми, что не удалось написать, поскольку время потрачено на беготню за объявлениями.

Да и старый подход к этой работе во многих редакциях еще не изжит. «Реклама? Это что-то из практики буржуазной прессы. Зачем нам заниматься рекламой? Мы — идеологическое учреждение, а не купцы какие-то».

К тому же многие наши журналисты хозяйской сметкой не владеют. Чего греха таить — не обучены. Нет в учебных программах по журналистике хорошо разработанного курса экономики газетного дела.

Впрочем, учебный материал, расчетливость, сметливость — дело наживное. Главное — заинтересованность. Экономическими и хозяйственными вопросами хорошо владеют те редактора, чьи газеты уже близко подошли к уровню рентабельности. Еще немного усилий — и прощай, дотация! Став рентабельной, редакция получит 10-процентную надбавку к фонду заработной платы, а значит — возможность принять в штат дополнительного сотрудника или прибавить зарплату остальным.

Если же тираж — объективно низкий, не позволяющий достигнуть рентабельности, то доходы от объявлений, даже крупные, так и остаются доходами, а не вольются в прибыль. Старайся — не старайся — все равно. Тем более, что редакционная текучка заедает. До экономики ли тут?

Факты остаются фактами. Около 60 «районков» в республике имеют сейчас среднеразовый тираж от 5 тыс. экз. и ниже, а десяток из них — до 2 тыс. экз. По причинам, о которых мы уже сказали, поправить их показатели в ближайшее время не удастся.

С другой стороны, для улучшения качества газет приобретается дорогостоящее высокоэффективное оборудование, например машины офсетной печати. Это, наряду с положительным эффектом, порождает и серьезную проблему: ведет к удорожанию продукции, снижает фондоотдачу. За 1980—1986 гг. в системе Госкомиздата УзССР фондоотдача снизилась с 57,8 коп. до 48,2 коп. стоимости валовой продукции

на 1 руб. основных промышленно-производственных фондов. Сказался ряд причин, среди которых — и удорожание газетного производства. За эти годы на областных, городских, межрайонных и районных полиграфпредприятиях республики (где газеты составляют основную долю продукции) фондовооруженность возросла в среднем на 33—36%, а среднегодовая выработка на одного работающего — всего на 20—25%.

Почему? Низок коэффициент сменности оборудования. Но как его повысить, если офсетная машина «Доминант-726», поступающая сейчас на вооружение местных типографий, печатает номер «районки» тиражом 5 тыс. экз. за час-полтора. Газета выходит три раза в неделю, значит, «Доминант» может быть задействован на ее выпуске не более четырех-пяти часов. А остальные тридцать шесть часов рабочей недели (как минимум, в условиях односменки)? В целом по району, да и в близлежащих, не наберется столько типографских заказов, чтобы полностью загрузить «Доминант» по нормативам. Значит, импортное офсетное оборудование должно в основном простаивать, а обслуживающие его рабочие — перебиваться разовыми поручениями: бумагу порезать, типографский двор подмести и т. п. Ни труд, ни досуг...

Возможен и другой вариант, по примеру одной межрайонной типографии в Сырдарьинской области, которая комплектует портфель заказов даже за счет организаций Новосибирской области. Предприимчивость — дело хорошее. Но, разъезжая по дальним градам и весям, могут ли районные полиграфисты уделять достаточно внимания качеству своей газеты? И о какой интенсификации может идти речь?

Сейчас в республике ведется работа по концентрации полиграфической базы районных газет в межрайонных и областных типографиях, сокращению числа маломощных районных типографий. Но если тиражи газет остаются низкими — это полумера.

И возникает вопрос, а в том ли суть перестройки, чтобы пытаться решать новые задачи старыми средствами? Надо, как нам кажется, радикально реорганизовать саму структуру местной печати.

Содержать столь многочисленный отряд районных газет сегодня нецелесообразно. Экономически. Но главным образом — политически. Потому что из-за низких своих творческих, художественных, эстетических возможностей, обусловленных ветхой экономической базой, многие «районки» стали «пятым колесом в телеге», безвкусным «архитектурным излишеством» в местной идеологической работе. Ведь в иных районах основная масса подписчиков, прямо сказать, умнее, политически образованнее, духовно богаче, нежели местная газета.

Высказываются также предложения: сократить количество «районков», сделать упор на объединенные газеты — по одной на несколько районов. Экономически вопрос ясен: сокращение числа газет при сохранении общего уровня их тиража позволит оставшимся редакциям поправить свои дела, быстрее добиться прибыльности.

Но организационно все не столь очевидно. Какие газеты закрывать, а какие оставлять? Под чьей «крышей» создавать объединенные редакции? Ведь дислоцироваться межрайонная редакция будет в одном из райцентров, следовательно, есть опасения, что данному району будет отводиться больше места. Или, что еще хуже, своим «хозяевам» — хвалебные строки, всем прочим — критика.

И приходит на ум совсем уже простая мысль: а может решить вопрос без приоритетов? Откажется от редакций районных газет?

Предложение, на первый взгляд, крамольное. В конце концов, перед районной печатью стоит задача коммунистического воспитания трудящихся, формирования их мировоззрения, побуждения к активным действиям. Да, не все редакции справляются с этой ответственной задачей. Но дает ли это повод снимать ее с повестки дня?

Давайте разберемся. И прежде всего обратимся к истории. С какой целью вообще создавалась в нашей стране широкая сеть местной партийной печати? Вот что сказано в циркуляре ЦК партии губкомам и укомам РКП(б) «О программе местной газеты» от 4 апреля 1921 г.: основная задача «состоит в вовлечении рабоче-крестьянской массы в общую работу строительства политическо-хозяйственной жизни. Выполнить это задание газета может путем разъяснения и освещения местных интересов массы, выведенных, в свою очередь, из интересов общегосударственных путем постановки перед местным населением конкретных местных задач». В постановлении ЦК ВКП(б) «О районных газетах» от 13 июля 1940 г. подчеркивалось: «Считать основной задачей районной печати идейно-политическое воспитание трудящихся на основе повседневной пропаганды текущей политики и мероприятий партии и правительства, пропаганды, опирающейся на конкретные, близкие и понятные факты из местной практики, из жизни своего района, колхозов, предприятий».

Очевидно, что задачи эти непреходящие. Но ни в одном из стратегических документов партии по вопросам печати не указано, что районная газета — единственная форма решения данной задачи, другие — невозможны в принципе.

Конечно, в пору своего становления, в 20—30-е годы, «районки» действительно были единственно возможной формой. Областные, а тем более центральные газеты не могли уделять каждому району достаточного внимания. И оперативность их доставки была невысокой. Газеты «из центра» доставлялись в район с опозданием в несколько суток, а то и недель. Радио было не везде. Телевидения и вовсе не было. В таких условиях райком без своей газеты, доступной и понятной сельскому труженику, был как без рук. Нельзя забывать и о том, что на «районки» возлагалась задача знакомить своих подписчиков с общесоюзной информацией, важнейшими событиями в жизни мира.

Сегодня ситуация совершенно иная. Все газеты, от областных до центральных, поступают районному подписчику одновременно с местной, а то и опережают ее. Современная полиграфическая база областных газет позволяет выпускать сменные полосы для районов. Отпечатав часть тиража со спецполосой для одного района, можно, заменив стереотип, продолжать печатать тот же номер, но уже со спецполосой для другого района. Таким образом, районный читатель может получать, с оговоренной периодичностью, номера областной газеты, в которые как бы вмонтирована «районка», с набором интересующих его материалов, от информации о заседании бюро райкома партии до спортивных сообщений. Соседнему району в том же номере уготована своя полоса.

На наш взгляд, это позволит добиться многого. Во-первых, местная печать будет поднята до уровня областной — и в идейном отношении и в творческом, и в полиграфическом. Каждый материал, опубликованный здесь, получит больший вес в районе. Надеемся, что он будет убедительней, читабельней, а главное — действенней. Мы ведь знаем, как сейчас игнорируют печать иные руководители районных ведомств, отмахиваются от дельных предложений, от критики и даже находят способ повлиять на райком, чтобы приструнил свой орган. Подходить так к областной газете гораздо сложнее.

Во-вторых, значительно сократятся расходы. Не надо будет содержать аппарат районной редакции (12—14 человек), тратиться на бумагу, местную полиграфию, доставку газет. Организацию материалов в районе можно будет поручить корпункту из нескольких собкопов, плюс шофер — вот и весь штат. Решить вопрос о координации его деятельности райкомом партии нетрудно.

Проиграет ли от такой постановки дела читатель? Думаем, что нет. Что сейчас публикует «районка»? Обычно в каждом номере — программу телепередач, хронику ТАСС и УзТАГа, материалы АПН. Нередко печатаются официальные, заимствованные материалы к знаменательным датам, объявления областных организаций. Всю «обязаловку» районные газеты помещают по давней традиции, с тех времен, когда даже «Правда» поступала на места с опозданием. Теперь оперативность «районки» гораздо ниже, чем у центральных и областных газет. Хотя бы потому, что они выходят ежедневно, а «районки» — через день. Вот и получается, что о крупных событиях, происшедших совсем рядом, жители района узнают сначала «сверху», уже потом — из местных источников.

Опять же — соотношение редакционных и заимствованных материалов. Ладно еще, если оно не выходит за пределы разумного... Чем занимаются районные журналисты? Почему топят страницы своей газеты в необъятном официозе? Хорошо, если есть кому адресовать этот вопрос. Во многих редакциях, особенно целинных и горных районов, штаты не заполнены, в них много практиков, постигающих основы своей профессии чисто эмпирически. Тут не до хороших материалов. Плохих не хватает. Чем же заполнить номер? Официозом. Чем еще? Искусно замаскированным «воздухом». Дело нехитрое: текстовые колонки делаются уже, чем положено, между строками загоняются шпоны, даются гигантские бордюры, широченные линейки... Номер выходит полупустым, но читатель авось не поймет.

Проблема кадров для «районки» — общеизвестна. Жилье, социально-культурный уровень, удобства, зарплата — все это не привлекает газетчиков в районы. Лучше, мол, быть «последним человеком» в областной редакции, чем первым в районе. Да и как еще тебя там встретят? Не укоротят ли крыльев, не приучишься ли к халтуре? И талантливый выпускник факультета журналистики сделает все для того, чтобы избежать «районки». Кому же выпускать ее?

Организация сменных полос позволит выжать из материалов о районной жизни всю «воду» и весь «воздух», избежать ненужных повторов официальных новостей и дать местному читателю самое главное, самое действенное, самое интересное.

Организация же областных корпунктов, взамен районных редакций поможет быстрее решить и проблему журналистских кадров.

Мы понимаем, что предлагаемый вариант реорганизации местной печати не у всех найдет поддержку. Возражения, наверняка, будут у районных руководящих организаций. Важен и социальный аспект: куда направить высвобожденный отряд сельских журналистов и полиграфистов? И как быть с теми «районками», которые добиваются хороших результатов, приносят значительную прибыль? Как быть с огромными по территории районами? Возможно, жизнь выявит и другие, не менее серьезные противоречия.

Вот почему считаем, что подобную реорганизацию следовало бы вести поэтапно. Для начала, как эксперимент, — в одной-двух республиках. В том числе в Узбекистане, чьи области отличаются компактным расположением районов, незначительной удаленностью друг от друга административных центров, а значит, проблемы с бесперебойной доставкой материалов из корпунктов в редакцию не возникнет.

В Узбекистане это новшество позволило бы быстро поправить бюджет местной печати. Выпуск областных газет со сменными полосами сократил бы размеры государственной дотации.

В дальнейшем (примерно через 3—5 лет), с дополнительным ростом тиражей областных газет, увеличением плана по доходам от объявлений, которые должны пополняться за счет районных органи-

заций и частных лиц, можно будет достичь перехода областных редакций на безубыточную работу.

Вдобавок можно будет решить и проблемы областных газет. Появятся дополнительные возможности, чтобы усовершенствовать штатную структуру редакций, оснастить их современным оборудованием и оргтехникой. Наладив совершенную связь между редакциями и районными корпунктами, журналисты, наконец, почувствуют, что и они живут в эпоху научно-технического прогресса. Пора научить их работать с телетайпом, бильдаппаратом, компьютером.

Ликвидировав убыточность областных газет, можно будет перевести их на партийный бюджет, как в большинстве других союзных республик. Сейчас областные газеты Узбекистана находятся в двойном подчинении: с одной стороны, они — органы обкома партии и облсоветов народных депутатов, с другой, — финансово-хозяйственные единицы в системе Госкомиздата, а по некоторым вопросам материально-технического снабжения и вовсе не найти шефа.

Так стоит ли продолжать выпуск областных и районных газет в отдельности? На наш взгляд, нужны кардинальные меры по интенсивной и решительной перестройке издания местных газет. И дело не только в кадрах и оснащении типографий новой техникой. Существо перестройки — в проблемах повышения идейного содержания, качества, действенности публикаций, организации оптимальной структуры управления местной печатью.

Г. Н. УСМАНОВ

ИСТИНА И ЗАБЛУЖДЕНИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДАЛЬНОСТИ ИДЕАЛЬНОГО

Как известно, современным исследователям, в целом немало сделавшим для обоснования и углубления марксистского учения об истине, пока не удалось прийти к единому мнению по поводу дефиниции данной философской категории.

Это в первую очередь объясняется тем, что творцы теории познания диалектического материализма не оставили в своих произведениях классического определения истины, подобного тем, какие были, например, даны категориям «материя», «класс», «религия» и т. д. В результате вопрос об определении категории истины в новейшей философской литературе приобрел характер относительно самостоятельной теоретической проблемы, которую ныне следует отнести к числу дискуссионных.

«В марксистской методологии научного познания..., — пишет А. Л. Никифоров, — понятие истины используется в рамках двух разных подходов: формально-методологического и диалектического. Первый подход опирается на средства и методы формальной логики и направлен главным образом на анализ результатов познания, второй — основное внимание обращает на развитие научного знания»¹.

Исходя из этого вывода, с которым мы полностью согласны, проанализируем более подробно известный тезис, согласно которому истина есть знание (представление), соответствующее действительности².

¹ Никифоров А. Л. Понятие истины в марксистской методологии научного познания//Диалектика. Познание. Наука. М., 1988. С. 64.

² Данная точка зрения в различных вариациях проводится большой группой авторов во многих работах. См.: напр.: Левин Г. Д. Теория соответствия и марксистская концепция истины//Практика и познание. М., 1973; Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 1977; Материалистическая диалектика: В 5-ти т. Т. 2: Субъективная диалектика. М., 1982. Гл. V; Диалектика. Познание. Наука. Разд. I. Гл. 4.

Указанная формула, при всей своей внешней простоте, на самом деле способна надежно служить деятельному субъекту в его разнообразных теоретических и практических начинаниях. К тому же именно она по существу составляет гносеологический фундамент, на котором покоится основная масса социально-психологических, моральных, правовых регулятивов общественной жизни. И поэтому по меньшей мере странным было бы отказываться индивидуальному и коллективному сознанию в праве руководствоваться данной установкой в пределах стандартных ситуаций повседневного быта. Но вытекает ли отсюда, что и философская наука, вслед за обыденным сознанием может позволить себе удовольствоваться выводом, что истина есть знание, соответствующее действительности? Ведь, с одной стороны, мировая философская мысль не пребывала в статичном состоянии с тех пор, как Платон и Аристотель впервые предложили подобное толкование истины, а с другой,— еще Ф. Энгельс обозначил четкую разграничительную линию между обыденным и теоретическими представлениями субъекта и при этом не без иронии заметил, что «здравый человеческий рассудок, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает удивительные приключения, лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования»³.

Иначе говоря, чтобы принять или отвергнуть приведенное выше определение истины, его необходимо сопоставить с реальной практикой развивающегося человеческого познания и теми методологическими обобщениями, которые выработал и отстаивает марксизм как система, впитавшая в себя все самое ценное из того, что привнесено в культуру прогрессом философской мысли человечества. Видимо, без такой сверки любые заверения в подлинно марксистском характере рассматриваемой дефиниции останутся не более чем словесными декларациями. А потому нам придется обратиться к некоторым общеизвестным постулатам диалектического материализма.

«В собственном смысле,— писал В. И. Ленин в «Философских тетрадах»,— диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*»⁴. И еще одно важное заключение из того же произведения: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики»⁵.

Из сказанного со всей определенностью следует, что диалектика абсолютно исключает возможность существования «предметов», сущность которых была бы «свободна» от внутренних противоречий, от столкновения взаимопроникающих противоположных начал. Очевидно, сказанное применимо и к сущностным характеристикам такого специфического «предмета», как истина. Следовательно, задача теории познания в данном случае сводится к тому, чтобы вскрыть и всесторонне исследовать соответствующие имманентные противоречия в структуре самой сущности истины, ибо именно в этих противоречиях и фокусируется, в конечном счете, гносеологическая квинтэссенция указанной философской категории.

В силу отмеченных причин с позиций диалектического материализма весьма важно довести изучение затронутого вопроса до пункта, в котором истина раскроется в качестве диалектического единства двух противоположных своих существенных определений — моментов соответствия и несоответствия истинного знания действительности. Почему марксистско-ленинская философия акцентирует особое внимание на этой стороне дела? Прежде всего потому, что подспудно таящиеся

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 21.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.

⁵ Там же. С. 316.

здесь затруднения, не будучи ясно и до конца осознанными, уже не раз становились настоящим камнем преткновения для представителей немарксистских течений в теории познания.

В этой связи необходимо хотя бы кратко остановиться на теоретической позиции метафизического материализма, для которого как раз-таки естественно было возводить в абсолют момент соответствия истинного знания действительности, полностью игнорируя при этом присущий ему противоположный элемент несоответствия.

Оказавшись бессильным справиться с данной гносеологической дилеммой, метафизический материализм в конце концов заходит в логический тупик, ибо в лице одного из своих наиболее зрелых и последовательных сторонников — Е. Дюринга он вынужден (под давлением собственных аргументов) склониться к признанию того, что «подлинные истины вообще неизменны... так что вообще нелепо представлять себе правильность познания зависящей от времени и реальных перемен»⁶.

При анализе разбираемого тезиса следует обязательно учитывать, что для дюрингианцев не имеет ровно никакого значения, что же собственно происходит с «подлинными истинами» в процессе развертывающихся во времена реальных перемен. Каков статус этих истин вне границ однажды абсолютизированного соответствия их содержания предметному миру? Правда, когда происходят ощутимые изменения во взглядах на те или иные объекты познания, метафизически мыслящие люди готовы с невероятной легкостью отбросить все прежние «подлинные истины» и тут же отыскивают им равноценную замену в виде вновь обретенного знания.

Совершенно иным путем в аналогичной ситуации идет философия марксизма, для которой существенное значение имеет вопрос: «...Могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно?»⁷

Метафизический материализм в принципе исключает саму возможность постановки такого вопроса. Он не способен, не впадая в неразрешимые логические противоречия со своей первоосновой, допустить наличие относительной истины и признать, что в каждой относительной истине наряду с выраженным ею моментом соответствия (зернами абсолютной истины, по В. И. Ленину), заключен также момент несоответствия знаний действительности, вызываемый к жизни тем естественным обстоятельством, что теоретически осваиваемая реальность никогда не остается в одном и том же равном себе состоянии, а всегда находится в постоянном изменении, движении и развитии.

Для диалектического же материализма, наоборот, весьма существенна максимальная согласованность собственных исходных посылок с объективной диалектикой развития материального мира. Поэтому, принимая в расчет вечную изменимость последнего, эта философия рассматривает в качестве естественной необходимости и то обстоятельство, что в человеческих представлениях, воспроизводящих устойчивые и изменчивые черты окружающего мира, их свойство соответствовать отражаемому объекту должно в обязательном порядке дополняться диаметрально противоположным свойством — не соответствовать ей. Переход же от несоответствия к соответствию, от неполного, неточного знания к знанию более полному и точному и составляет основное (в гносеологическом аспекте) содержание диалектически-противоречивого процесса приближения к абсолютной истине⁸.

⁶ Цит. по: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 86.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 123.

⁸ Там же. С. 102.

Важно подчеркнуть, что теоретические прорывы в развитии науки теснейшим образом связаны с предварительным нахождением этого момента несоответствия в накопленном объективно истинном знании, причем решающую роль здесь играет развивающаяся практика, ибо лишь с ее помощью удастся различить в ранее установленном соответствии наших представлений действительности элементы, крупницы, черты их несоответствия последней.

Если же соответствие знания действительности рассматривать в качестве самодостаточного атрибута истины, то практику можно и не брать в расчет с того мгновения, когда она хотя бы однажды подтвердит правильность той или иной идеи, научной концепции, политической программы и т. д.

Однако сказанным недостатки теории соответствия отнюдь не ограничиваются. Свидетельством тому может служить характерное для данной концепции «одномерное» истолкование природы еще одного конечного продукта когнитивной деятельности субъекта — полярной противоположности истины — заблуждения.

Известно, что ряд авторов придерживаются ныне мнения о том, что заблуждение представляет собой знание, не соответствующее действительности⁹. На наш взгляд, согласиться с этим трудно, хотя бы уже в силу следующих причин. Во-первых, если речь идет не о частичном, а о полном несоответствии знаний действительности в заблуждении, то выдвижение указанного положения становится равнозначным допущению существования знания, не связанного с действительным миром, остающегося «по ту сторону» его, что, в свою очередь, почти автоматически ведет к подрыву самих основ марксистско-ленинской теории отражения, исходящей, как известно, именно из признания «отражательной» природы всякого человеческого знания. Если же все-таки имеется в виду частичное несоответствие, то спрашивается, в чем же тогда состоит принципиальное различие между заблуждением и относительной истиной, учитывая, что, наряду с частичным соответствием, для последней характерно и ее частичное несоответствие отражаемому предмету и наоборот, признание лишь частичного несоответствия ложного знания своему объекту означает в то же время и признание его частичного соответствия этому объекту. Следовательно, уже отсюда мы можем заключить, что приведенное определение страдает известной узостью и непоследовательностью, которая, в частности, препятствует четкому разграничению заблуждения и относительной истины, либо приводит к расхождению с краеугольными основами диалектико-материалистической теории отражения.

Во-вторых, и это органически связано с предыдущим, выделение только одной стороны — несоответствия знаний действительности — практически исключает необходимость доводить исследование заблуждения до выявления в его гносеологической конструкции еще и другого «прирожденного» компонента — свойства того же самого знания так или иначе соответствовать действительности. Но, как уже говорилось, диалектический метод познания требует нахождения в изучаемом предмете заключенных в нем внутренних противоречий. Следовательно, подобная «участь» отведена и человеческому заблуждению, которое также должно быть представлено в виде диалектически противоречивого гностического образования, несущего в себе признаки несоответствия и соответствия внешней реальности.

Итак, путем некоторых размышлений мы приходим к выводу о не-

⁹ Очерки по диалектическому материализму. М., 1977. С. 151; Заботин П. С. Преодоление заблуждения в научном познании. М., 1979. С. 77; Материалистическая диалектика. Т. 2. С. 217; Спиркин А. Г. Основы философии: Учебное пособие для вузов. М., 1988. С. 272.

достаточности философских определений истины и заблуждения, выдвигаемых сторонниками концепции соответствия. В связи с этим встает вопрос о разработке более приемлемых, т. е. созвучных методологии творческого марксизма, определений для названных категорий теории познания. С нашей точки зрения, данная проблема вполне разрешима.

Допустим, что содержанию любого знания в одинаковой мере свойственно соответствовать и не соответствовать действительности. Как явствует из сказанного ранее, такое допущение неплохо согласуется с основными посылками учения диалектического материализма. Вместе с тем оно порождает и некоторые теоретические затруднения, главное из которых — как гармонично вписать заданную антиномию в систему устоявшихся научных представлений, не допуская при этом смешения обоюдоисключающих типов знания.

Чтобы преодолеть отмеченное препятствие и рационально осмыслить истину и заблуждение в качестве контрастирующих менталитетных структур, в составе которых синхронно репрезентирован асимметричный синтез отношений соответствия и несоответствия, прежде всего необходимо произвести переакцентировку исследования посредством продвижения из зоны конфронтации в зону интеграции данных структур, где бы они уже выступали, несмотря на сохраняющиеся различия, как различные части более общей и емкой целостности. Но для этого на время придется возвратиться, так сказать, к первоначалам и вспомнить, что понятия истины и заблуждения являются лишь одной из логических проекций с совокупного человеческого знания. В свою очередь, знание есть способ существования сознания¹⁰, его основной конструкционный материал. Сознание же продуцирует множество изменчивых субъективных образов, формирующихся на основе предметно-чувственного эквивалента и наполняющих собою сферу идеального. А поскольку как истинное, так и ложное знание нигде, кроме этой сферы, существовать не может, постольку в «приданности» указанным компонентам сознания единой природы идеального нет абсолютно никаких сомнений и, стало быть, их правомерно рассматривать в качестве своего рода «ипостасей» или же определенных фиксированных модальностей идеального.

На уровне идеального, вбирающего в себя все человеческие представления, элементы различия и даже полярной противоположности отступают на задний план, а на передний выходит известная общность истинного и ложного как сопредельных фракций идеального. Однако, выявляя сходство, мы не должны, конечно же, забывать о границах, за которыми оно моментально исчезает, и потому следующий шаг должен состоять в обращении к марксовской интерпретации идеального с тем, чтобы в ее контексте глубже уяснить особенности генезиса этого частичного, виртуального паритета между истиной и заблуждением.

«Для Гегеля,— отмечает К. Маркс,— процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹¹.

Как следует из данного положения, истина и заблуждение также должны представлять собой «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Но тогда все дело состоит в том, чтобы правильно понять, во-первых, в чем же состоит существо

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 165.

¹¹ Там же. Т. 23. С. 21.

Указанных «пересаживания» и «преобразования», а во-вторых, — почему в одних случаях эти процессы завершаются достижением истины, а в других — возникновением заблуждения.

Из приведенных слов К. Маркса следует, что свое понимание идеального он противопоставляет гегелевской мистификации процесса мышления. Это открывает возможность интерпретировать идеальное именно как процесс мышления, но понятый вполне диалектико-материалистически. И тогда основная задача сводится к тому, чтобы найти в самом мышлении аналогию тем взаимосвязанным процессам, которые Маркс в своей формуле вывел под образами «пересаживания» и «преобразования».

Среди двухтактных процессов, характеризующих развивающееся человеческое мышление, для этой роли в наибольшей мере подходит процесс восхождения от конкретного к абстрактному и от него снова к конкретному. Не вдаваясь в подробности, отметим предварительно только одно — всесторонне обоснованный марксизмом принцип единства исторического и логического действует и в данной области, а потому теоретическому осознанию потенциала метода восхождения от конкретного к абстрактному и т. д. по необходимости должно было предшествовать историческое движение человеческой мысли по подобной схеме в практике расширяющегося и усложняющегося общественного познания. По существу на этот аспект проблемы обратил внимание еще сам Маркс, раскрыв отношение между классической буржуазной политэкономией и собственным экономическим учением¹².

При таком подходе фазе «пересаживания материального в человеческую голову» будет соответствовать в качестве первой ступени становления гносеологически-идеального этап восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному. Помимо всего прочего, это означает, что последующая «состыковка» первой ступени со второй — этапом восхождения от абстрактного к мысленно-конкретному — может произойти не скорее, чем прогрессирующее познание «доведет дело» до вычленения абстрактных логических определений, т. е. только после завершения «полного» цикла абстрагирования в мышлении познающего субъекта.

Таким образом, развиваемая здесь концепция относит к фазе «пересаживания» весь период продвижения от простейших ощущений до самых сложных понятийных форм, в которых фиксируются те или иные значимые признаки и свойства постигаемого объекта. Другими словами, акт «пересаживания материального в человеческую голову» с точки зрения теории познания ни в коем случае не прерывается (как это достаточно убедительно доказывает психологическая наука, но доказывает именно под своим собственным углом зрения на предмет) едва ли не в первое же мгновение соприкосновения субъекта с объектом при посредстве ощущений, а продолжается, органически сублимируясь в процессе мыслительной переработки первичного эмпирического материала, до полного «испарения» вещества чувственности из вновь формируемых образов — идеализаций, выступающих в роли дискурсивных дубликатов лишь отдельных фрагментов своего изначально целостного прообраза.

С конструированием подобных идеализаций, которые сами по себе являются не более чем промежуточным продуктом, когнитивным «полуфабрикатом» для творческого мышления, создаются условия для их «преобразования в человеческой голове» в интересах проникновения в скрытые от непосредственного наблюдения сущностные характеристики изучаемого объекта. Этой фазе бытия идеального соответствует этап движения от абстрактного к конкретному в мысли, т. е.

¹² Там же. С. 36—38.

к такому конкретному, которое уже выступает как «синтез многих определений, следовательно единство многообразного»¹³.

Мысленно-конкретное является целью и конечным пунктом всякого исследования. Стало быть, только по отношению к нему может возникнуть вопрос об истинности или ложности нашего знания. Но поскольку мысленно-конкретное синтезируется из многих абстрактных определений путем установления комплекса логических связей между ними, постольку указанный вопрос сводится в конечном счете к тому, корректно или некорректно наведены эти связи, приложимы ли они к познаваемому объекту или чужды ему.

До тех пор, пока в представлениях субъекта суммируются действительные связи, он будет неизменно занимать позиции объективной истины, хотя в силу действия всеобщих законов развития охватить их полностью невозможно. Поэтому, как уже говорилось, свойству истинного знания соответствовать действительности всегда сопутствует противоположное свойство — не соответствовать ей. Если же место действительных занимают искусственные связи, то ситуация изменяется самым радикальным образом.

В этом случае происходит неосознанное «навязывание» реальности чего-то такого, что фактически не имеет к ней совершенно никакого отношения. Вследствие подобного «приращения» знаний возникают грубые деформации в конкретном мысленном образе, который так или иначе утрачивает свою предметную основу и превращается в бессодержательную умозрительную конструкцию, а параллельно развивающееся несоответствие между воображаемым и действительным становится важнейшей отличительной особенностью каждого человеческого заблуждения.

В то же время прямо-таки бросающийся в глаза факт рассогласованности с действительностью конкретного содержания ложных представлений не должен заслонять и другого. Ведь, если отвлечься от осязаемой конкретики этих представлений и обратиться к рассмотрению феномена заблуждения как такового, то в нем сразу же обнаруживается наличие определенного реального «подтекста».

Речь идет о том, что заблуждения различного типа всегда роднит одно общее качество — все они в целом и каждое из них в отдельности выражают в сознании человека черты исторической ограниченности его общественной практики. В отличие от обыкновенной ошибки или неточности, которые вытекают из личных оплошностей и в принципе сравнительно легко устранимы, заблуждение обусловлено необходимостью выйти, опираясь на возможности и инструментарий творческого воображения, за рамки практически данного. Именно в этот момент в «синтез многих определений» привносится некоторое количество случайных, искусственных умозрительных рассудочных связей (или форм), которые способствуют разрыву мысли с ее материальной первоосновой.

Развитие практики ведет к преодолению былой узости отношений между субъектом и объектом, снимает ее собственную историческую ограниченность и одновременно устраняет подпорку, на которой только и способно держаться любое заблуждение. В свою очередь, в заблуждении ограниченность общественно-исторической практики, предметно-преобразующей деятельности субъекта находит свое наиболее полное и яркое идеологическое воплощение, а потому развенчание заблуждений является каждый раз свидетельством расширения прежних границ этой практики.

Таким образом, заблуждение, как и истина, образуется в итоге сложных преобразований субъективных образов объективного мира,

¹³ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 37.

осуществляемых продуктивным мышлением в ходе восхождения от абстрактного к конкретному. И поэтому только в мысленно-конкретном идеальное приобретает достоинство истинности или ложности. Причем последнее самым непосредственным образом зависит от того, несут или не несут в себе соответствующие представления объективное, т. е. не зависящее ни от человека, ни от человечества, содержание.

Исходя из всего сказанного, можно сформулировать следующие определения категорий истины и заблуждения. Истина, как идеальное, есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней таким образом, что соответствующие преобразования не выводят субъекта познания за пределы, обусловленные природой материального. В свою очередь, заблуждение, как идеальное, есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней таким образом, что соответствующие преобразования выводят субъекта познания за пределы, обусловленные природой материального (точнее говоря,— попросту не вписываются в эти пределы).

Страницы истории

Р. Х. АМИНОВА

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ 20-х ГОДОВ

Сегодня события 50—60-летней давности живо воспринимаются советским народом наряду с самыми злободневными явлениями современности. Широкая общественность испытывает острую гражданскую и нравственную потребность знать историю своей страны во всем ее объеме, со всеми ее драматическими поворотами. Это в полной мере относится и к истории советской деревни, в том числе узбекского кишлака. Проведение в 20—30-х годах коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане еще не так давно представлялось изученным до мельчайших подробностей. Однако ныне к этой странице нашей истории, ее «белым пятнам» привлечено внимание не только историков, но и широкой общественности.

В Узбекистане первых лет социалистического строительства аграрные преобразования занимали особое место. В то время аграрный сектор экономики составлял основу народного хозяйства республики. Крестьянский вопрос находился в центре социальной и национальной политики партии на Советском Востоке. Дехкане — основная масса населения Узбекистана тех лет — были главным источником формирования рабочего класса, из них вышла и значительная часть национальной советской интеллигенции. Поэтому в Узбекистане аграрная политика приобретала еще большее значение для социалистического строительства, чем в центральных районах страны.

Победа Октября вызвала к жизни такие процессы, которые коренным образом меняли социальное лицо узбекского дехканства. Декреты и постановления Советского правительства 1917—1924 гг., направленные на переустройство сельского хозяйства, отвечали кровным интересам, объективным потребностям трудового крестьянства. В. И. Ленин не раз отмечал огромное значение этих декретов для пробуждения политической и хозяйственной энергии крестьянских масс. Аграрные преобразования развертывались при возрастающем влиянии Коммунистической партии на трудовое население кишлака. Здесь создавались партийные, советские, общественные организации, усиливалась политико-воспитательная работа. На подъем сельского хозяйства государство выделяло значительные ассигнования, технику, материальные ресурсы, в Узбекистан посылались лучшие технические, научные и культурные кадры.

В 20-е годы в аграрной политике в республиках Средней Азии был осуществлен ряд крупных социально-экономических мероприятий радикального характера. Речь идет о земельно-водных реформах 1921—1922 гг. и особенно 1925—1929 гг.

Целью реформы 1921—1922 гг. была ликвидация колониального наследия в аграрном секторе — уравнивание фактического землепользования коренного (казахского, киргизского, узбекского) и русского крестьянства, поселившегося в Туркестане в основном в результате

переселенческой политики царизма, столыпинской аграрной реформы. Колониальными властями выделялись для переселенцев лучшие земли, на базе которых формировалось кулачество. В ходе реформы часть этих хозяйств была ликвидирована, а у другой части изъяты излишки земли, зерна, скота и др. Всего в Туркестане были ликвидированы 151 поселок, 175 хуторов, 95 заимок, выселено 8084 семьи. У кулаков-переселенцев было изъято свыше 250 тыс. дес. земли, которые были переданы 12,8 тыс. коренных батрацко-бедняцких хозяйств.

Второй этап реформы (1925—1929 гг.) привел к еще более глубоким изменениям в кишлаке. Эта реформа носила в целом революционно-демократический характер. Она ставила задачу передела земли, воды и других основных средств производства с целью ликвидации хозяйств так называемого «помещичьего типа», сокращения численности бедняков, преодоления остатков феодально-патриархального уклада в земледелии. В ходе ее только в Ташкентской, Ферганской, Самаркандской и Зарафшанской областях образовался фонд наделения земель размером в 264,2 тыс. дес. Около 70% его составляли экспроприированные земли, а остальная часть состояла из земель нового орошения (17,5%), государственного земельного имущества, а также вакуфов, земель горожан и безвестно отсутствующих граждан. Из этого фонда было наделено землей около 10% нуждающихся дехканских хозяйств.

Был ли объективно оправданным этот крупномасштабный передел земли, имевший столь важные социально-экономические последствия? Ответ на этот вопрос однозначен: да, был. В Узбекистане реформа решила в сущности ту же задачу, что и экспроприация кулачества в России в 1918—1919 гг. Но верно и то, что в ходе реформы были допущены всякого рода перегибы, подчас урезывались или подвергались экспроприации хозяйства, которые лишь с большой натяжкой можно было отнести к кулацким. Следует пояснить, что наем батраков в условиях Узбекистана не служил показателем социальной принадлежности крестьянина в той мере, как в Центральной России. Возделывание хлопчатника в условиях орошаемого земледелия, на базе ручного труда было делом чрезвычайно трудоемким, и чтобы справиться с ним при резко выраженной сезонности работ даже бедняк иногда нанимал мардикера (поденщика).

Помещичье землевладение, вообще не получившее в Узбекистане широкого распространения, было ликвидировано еще в 1918 г. Ни по размерам землевладения, ни по другим показателям лица, экспроприированные в ходе реформы, не могут считаться помещиками. С некоторыми поправками (специфика местных аграрных отношений) они могут быть скорее сравнимы с кулаками. Среднее помещичье хозяйство в дореволюционной России имело около 500 дес. пахотной земли, кулацкое — 16—25 дес. В Узбекистане байским считалось (в зависимости от округа) хозяйство, превышавшее 7—12 дес.

По сути дела земельно-водная реформа ликвидировала хозяйства богатых дехкан (или кулаков) и часть хозяйств более зажиточной части середняков, т. е. практически провела «раскулачивание» почти в том объеме, в каком в России оно было осуществлено значительно позднее, уже в годы массовой коллективизации.

Цели реформы, однако, были достигнуты лишь частично. Бедняцкая прослойка и после нее составляла 37,6% дехканских хозяйств. На долю зажиточных хозяйств приходилось не более 1,4%. Это были дехкане, владевшие в основном 5—7 дес. земли, при чем не всегда в достаточной мере обеспеченные рабочей силой, рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем. В ходе реформы допускались и злоупотребления — сведение личных счетов, неэкономические подходы к вопросам экспроприации и проч.

В числе нуждающихся в уточнении вопросов аграрной политики в Узбекистане накануне коллективизации немаловажное место занимает вопрос о развитии сельскохозяйственной кооперации, ее роли в стабилизации земледелия и животноводства в середине 20-х годов. В соответствии с ленинским планом должны были развиваться различные виды кооперации: сбытовая, снабженческая, кредитная, производственная. Каждая из них показала большие возможности подъема сельского хозяйства. Кооперативы сыграли важную роль в развитии хлопководства. Если в 1924 г. дореволюционный уровень посевов хлопчатника в Узбекистане был восстановлен на 50,4%, то в 1925 г.— уже на 71,6%.

Посредством кооперации социалистическое государство регулировало деятельность частного хозяйственного сектора, способствовало росту в сельской местности товарооборота и развитию государственного кредита, организовало и объединило массу мелких производителей. Кооперация выполняла, помимо этого, и активные воспитательные функции. Как отмечалось в решениях XIV партконференции (апрель 1925 г.), «кооперативное движение в деревне должно сыграть... ту же воспитательную роль, которую играет профсоюз по отношению к беспартийным рабочим массам, т. е. роль школы коммунизма»¹.

Вместе с тем в кооперативном движении в Узбекистане имелись и специфические трудности. Кооперация испытывала острую потребность в опытных кадрах, материальных средствах, кредитах. Система контрактации, которой дехкане через кооперативы были охвачены поголовно, далеко не всегда была выгодна дехканам и нередко сводилась к навязыванию им производства хлопка-сырца и других культур. Кооперативы зачастую не выдерживали конкурентной борьбы с частным рынком, с частным кредитом. Но к концу 20-х годов кооперация далеко еще не исчерпала своих возможностей. Она нуждалась лишь в лучшей организации и в большей материальной поддержке. В этом случае она смогла бы выполнять свою функцию дальнейшего сбалансированного роста сельскохозяйственного производства и повышения уровня благосостояния дехкан.

Однако вместо оказания сельскохозяйственной кооперации всесторонней поддержки ее с началом массовой коллективизации начали сворачивать. Было грубо искажено ленинское учение о кооперации. Все его богатство свелось к так называемому «кооперативному плану», согласно которому право на существование получила лишь производственная кооперация, причем сведенная к единственной форме — сельскохозяйственной артели, суть которой была также искажена.

Тенденция к искусственному форсированию коллективизации стала, в соответствии со сталинской позицией, резко усиливаться с осени 1929 г. С этого времени на вооружение был принят лозунг сплошной коллективизации. Теоретическим его обоснованием стала статья И. В. Сталина «Год Великого перелома», опубликованная в «Правде» 7 ноября 1929 г. Она утверждала, якобы коллективизация уже одержала решающую победу, и основные массы крестьян идут в колхозы. Ноябрьский (1929) Пленум ЦК ВКП(б), хотя и отметил трудности коллективизации (недостаточная техническая база, слабая организация и низкая производительность труда в колхозах, острая нехватка квалифицированных кадров, отставание дела обслуживания и управления колхозами от темпов их роста), но не принял во внимание поступающие с мест многочисленные сигналы о нарушениях принципа добровольности при создании колхозов. Сталин и его окружение стоя-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 3. М., 1984. С. 32—33.

лий на том, что в ряде районов страны коллективизация может быть завершена уже в 1930 г.

5 января 1930 г. принимается известное постановление «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Редактировавший его Сталин придал ему более жесткий характер. Из него были исключены положения о степени обобществления скота и инвентаря, все формы коллективного хозяйства были сведены к сельхозартели, которая рассматривалась как переходная ступень к коммуне. В первоначальной редакции для Узбекистана и других национальных республик коллективизацию намечалось завершить на протяжении второй пятилетки.

Отдельные члены Средазбюро ЦК ВКП(б) пытались противостоять волюнтаристским методам проведения коллективизации, предлагая скорректировать цифры. Так, И. А. Зеленский просил ЦК наметить для среднеазиатских республик коллективизацию к концу первой пятилетки не более 52% дехканских хозяйств². Однако это предложение было отвергнуто. Вместе этого для Средней Азии была дана установка объединить к началу 1933 г. в колхозы 68% дехкан.

В действительности коллективизация в Узбекистане проводилась гораздо быстрее, чем это предусматривалось всеми контрольными цифрами. Уже накануне массовой коллективизации в Средней Азии возобладало авантюристское убеждение, будто бы провести ее возможно в предельно короткий срок. На II краевом партсовещании была принята резолюция, в которой утверждалось: «Естественно-исторические и экономические условия в хлопководческих районах Средней Азии... таят в себе данные для таких темпов развития и процессов обобществления и коллективизации, которые дают возможность республикам Средней Азии догнать и перегнать остальные республики Союза»³.

Итак, началась погоня за дутыми цифрами. Коллективизация осуществлялась кампанийскими методами, сопровождалась многочисленными фактами нажима и репрессий, грубейшими нарушениями социалистической законности. Дехкан заставляли идти в колхозы. Спротивляющиеся, независимо от социальной принадлежности, подвергались «раскулачиванию». Уже через месяц отдельные районы, в которых до начала кампании не было ни одного колхоза, рапортовали о «стопроцентной коллективизации». По Ташкентскому округу первоначально намечалось вовлечь в колхозы 30% дехканских дворов, а после пересмотра этой цифры — 93%, по Бухарскому округу — соответственно 28 и 48%, по Хорезмскому — 5,5 и 48%⁴.

Ускоренные темпы коллективизации в Узбекистане связывались с администрированием, стремлением любой ценой «выполнить и перевыполнить» указания сверху, выслужиться. Это было характерно и в целом для проведения коллективизации в стране, но в Узбекистане злоупотребления приняли широкий масштаб. Сохранившаяся от прошлого забитость основной массы дехкан, неопытность и слабость низовых партийных и советских организаций создавали благоприятные условия для «выполнения» дутых планов коллективизации приказным путем.

Типичным примером административно-приказного отношения к созданию колхозов явилось указание о коллективизации в 1930 г. 36—42% дехканских хозяйств. 17 февраля 1930 г. (месяц спустя) принимается постановление ЦК КП(б)Уз, устанавливавшее 17 районов сплошной коллективизации: Ассакинский, Шахриханский, Джалалкудукский, Нарынский в Андижанском округе; Янгиюльский,

² Вайсман Д. Я говорю свое последнее слово // Комсомолец Узбекистана. 1988. 15 апр.

³ Там же.

⁴ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 5, д. 765, л. 107.

Пскентский, Мирзачульский — в Ташкентском; Кувинский, Чуст-Папский, Багдадский, Ферганский — в Ферганском; Пастдаргомский, Янгикурганский — в Самаркандском; Сарыассийский, Денауский — в Сурхандарьинском; Новобухарский, Гиждуванский — в Бухарском округе. Районы эти размещались как в относительно развитых земледельческих округах (Ташкентский, Ферганский, Самаркандский), так и в отсталых, еще недавно входивших в состав Бухарской Народной Советской Республики⁵.

Как сообщал уполномоченный по Каракульской волости (Бухарский округ) Т. Рубинштейн, «низовой советский аппарат совершенно не пользуется авторитетом у населения, которое считает, что практически власть не изменилась. Тем более, что руководящий состав сельсовета меняется через каждые 10—12 дней после выборов. Причем причины быстрой смены никому не были известны»⁶.

Проведение коллективизации часто сопровождалось искажением классового подхода. В Кашкадарьинской области, например, лишали избирательных прав середняков. Во время сбора семфонда их вносили в списки кулаков, что резко увеличивало причитающийся с них размер взноса. В Kitabском сельсовете уполномоченный Тураев инструктировал население, что каждый, кто нанимает работника хоть на один день, будет считаться кулаком.

Средняки, чтобы не попасть в списки кулаков, не нанимали сезонных рабочих, хотя сами физически не справлялись с работой. В результате посевной план, особенно по хлопку, не был выполнен. В той же Кашкадарье, ссылаясь на директивы Центра, середняков-единоличников не снабжали сельхозинвентарем. В период так называемой доликвидации кулачества с середняков взимали налог как с кулаков, ущемляли их при снабжении хлебом, насильно записывали в колхозы, отказывали в избрании в сельсоветы. Из Карасарайского района Андижанской области сообщали, что «райпарторганизации не знают, как определить социальные границы. Всего лишено прав 1770 человек, в том числе 394 середняка, принятых за кулаков, и 536 дехкан, лишенных прав за их религиозность»⁷.

Обстановка становилась все более напряженной. Учитывая это, в начале 1930 г. была предпринята попытка борьбы с эксцессами сплошной коллективизации. ЦК ВКП(б) 30 января 1930 г. дал на места директиву, осуждавшую искривления: погоню за неоправданно высокими темпами коллективизации, нарушение принципа добровольности. Тогда же ЦК ВКП(б) направил в Средазбюро телеграмму, в которой указывалось на недопустимость проведения сплошной коллективизации в экономически отсталых областях темпами, рекомендованными для ведущих аграрных районов страны. 2 марта 1930 г. была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», 14 марта — постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». В статье Сталина говорилось, что понятие «сплошная коллективизация» не означает стопроцентной коллективизации. Был пересмотрен список районов сплошной коллективизации. Это, как известно, привело к резкому сокращению числа дворов, входящих в колхозы.

Однако уже летом 1930 г. вновь возобладали административно-приказные методы создания колхозов. Новое ужесточение темпов коллективизации объяснялось в официальных документах укреплением колхозов, изменениями классового самосознания крестьянства. Отступление было, в сущности, демагогическим жестом, направленным

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 188, л. 25.

⁶ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 1, ф. 1574, л. 82.

⁷ Там же, оп. 6, д. 774, л. 65.

на обман дехканских масс, на ослабление зрелого в них протеста. С весны 1931 г. возобновилась практика создания районов сплошной коллективизации. По ее темпам Узбекистан превосходил более развитые союзные республики. К середине 1932 г. колхозы Грузии объединяли 36,4% крестьянских хозяйств, Армении — 37,9%, Белоруссии — 47,8%, районов промышленного Центра, Запада и Северо-Запада РСФСР — от 38 до 50%⁸. В Узбекистане же в апреле 1932 г. обобществленный сектор объединял уже 74,9% всех дехканских дворов⁹. И это несмотря на низкий уровень развития народного хозяйства и культуры, на незавершенную борьбу с остатками старого образа жизни, в основе которого лежали нормы шариата и адата, неграмотность значительной части коммунистов и депутатов Советов.

В ЦК ВКП(б) с мест поступали тревожные письма, предупреждавшие о возможности серьезных последствий администрирования и нарушения принципа добровольности при вступлении в колхозы. Представитель Термезского отделения «Хлоптрест» 29 мая 1930 г. сообщал: «На почве неустойчивости колхозов тяга к распаду их чувствуется вполне определенно, но ввиду осложнения при выходе создано в данный момент кажущееся успокоение, которое может вылиться в крупное выступление против Советской власти»¹⁰.

В ходе коллективизации возникали серьезные диспропорции в уровне обобществления средств производства. Легче всего было обобществить землю, а для коллективизации рабочего и мясо-молочного скота не хватало помещений и кормов. Поэтому часть его временно оставляли за прежними владельцами. Но они не были заинтересованы в уходе за скотом, так как уже не считали его своим. В районах сплошной коллективизации было обобществлено 67,5% земли, 41,6% лошадей, 41,2% волов и т. п.¹¹

В атмосфере сплошного администрирования и принуждения не могла развиваться колхозная демократия. Дела многих колхозов единолично вершили председатели, работая по указке райкомов партии. Собрания, на которых обсуждались производственные планы, вопросы организации труда, были исключением из правила.

Сплошная коллективизация в Узбекистане сопровождалась директивным установлением монокультуры хлопчатника, проходившим под знаком борьбы за хлопковую независимость СССР. Весной 1930 г. СредазЭКОСО направил ЦК КП(б)Уз и Совнаркому УзССР телеграмму, в которой говорилось: «В районах сплошной коллективизации, всех других колхозах необходимо категорически добиваться засева трех четвертей клина под хлопок. Примите меры по быстрому доведению директивы до каждого колхоза, обеспечьте безусловное проведение в жизнь»¹².

Вопреки победным реляциям сплошная коллективизация сопровождалась фактическим снижением жизненного уровня дехканства. В центральные партийные органы с мест поступали тревожные письма. Из колхоза «Кызыл дехкан» (под Самаркандом) писали: «Люди едят хлеб с водой, больше ничего нет, хлеба и того недостаточно. Кроме того, неграмотных дехкан обвешивают. В колхозе есть европейский сельхозинвентарь, а работать нельзя, не во что запрячь. Нет хомутов и упряжки, нет ее и в Самарканде»¹³.

Дехканские хозяйства, насильственно объединенные в колхозы, не были заинтересованы в участии в общественном производстве, повы-

⁸ Там же, ф. 15, оп. 25, д. 2269, л. 39—41.

⁹ Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. С. 493.

¹⁰ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 5, д. 747, л. 4.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 9, д. 407, л. 58—71.

¹² ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 6, д. 776, л. 12.

¹³ Там же, д. 789, л. 116.

шении производительности труда. На колхозных полях работало не более одного-двух членов семей, остальные были заняты в личном хозяйстве. В результате в колхозах возникала хроническая нехватка рабочей силы, особенно в дни уборки урожая. Уже тогда ее пытались восполнить трудом горожан, но массового характера эта практика еще не приняла.

Тяжелый удар по развитию сельского хозяйства и социалистическому строительству в целом нанесли массовые репрессии второй половины 30-х годов. Помимо стандартных обвинений в антипартийных блоках, в Узбекистане большинству осужденных инкриминировались националистические настроения. Были репрессированы и расстреляны А. Икрамов, Ф. Ходжаев, И. А. Зеленский, Е. Л. Зелькина и многие другие опытные работники, верные ленинцы. Они пытались оградить дехкан от огульного раскулачивания. Вот типичный образец вздорных инсинуаций, возведенных на этих испытанных коммунистов. Он красноречиво рисует атмосферу, царившую на этих судилищах. О И. А. Зеленском в передовой «Правды» говорилось: «...Царский охранник, шпион, мерзавец Зеленский по требованию иностранных разведок устраивал диверсионные акты, подсыпал стекло и гвозди в масло, гноил десятки вагонов с яйцами, оставлял города без продуктов — все это для того, чтобы вызвать недовольство населения»¹⁴.

Вопреки официальным сводкам коллективизация нанесла тяжелый удар по сельскому хозяйству республики. План производства хлопка не выполнялся. Особенно сильно пострадало животноводство. Не желая отдавать скот в колхозы, дехкане забивали его. Не помогали ни угрозы, ни репрессии. Узбекистан, как и другие республики Средней Азии, понес гораздо большие потери в животноводстве, чем другие союзные республики.

Непосредственным результатом коллективизации в Средней Азии был массовый голод 1933 г. От истощенных людей, едва державшихся на ногах, требовали выполнения плана хлопкозаготовок.

Сотни хлопкоробов, не выполнявших планы, были жестоко репрессированы и позже расстреляны. Эта страница истории только начинает приоткрываться. Мы уже узнали о миллионных жертвах голода на Украине, в Казахстане, на Северном Кавказе; надо рассказать о таких же жертвах в Узбекистане.

Массовая коллективизация сопровождалась так называемой «ликвидацией кулачества как класса». Однако репрессиям в основном подвергались зажиточные середняки. Во многих районах отсутствовали четкие критерии того, кого считать кулаками. Раскулачивали за религиозность, за недовольство действиями администрации, сводили и личные счета.

Средняки и даже бедняки, опасаясь попасть в списки кулаков, сужали свою хозяйственную деятельность. В практику раскулачивания нередко входили по сути дела террористические методы: район делили на участки, к каждому из которых была прикреплена группа вооруженных людей, обычно пять человек. Ночью они врываются в дома «кулаков», арестовывали их и уводили в местное отделение милиции. Все имущество задержанных, включая деньги, одежду, посуду, белье и т. д., реквизировалось и поступало на специальные склады.

Коллективизация не достигла в полной мере одной из важнейших целей — технического перевооружения сельского хозяйства. Поступление в Узбекистан тракторов и другой техники было недостаточным. Труд в колхозах оставался по преимуществу ручным.

По словам М. С. Горбачева, в ходе коллективизации произошло «своего рода огосударствление кооперации. Добровольность, самоуп-

¹⁴ Цит. по: В а й с м а н Д. Указ. статья.

равление, хозрасчет..., другие принципы деятельности колхозов и кооперации в целом грубо нарушались. Все это чувствительно дает о себе знать до сих пор, порождает пассивное отношение к общественным делам, затрагивает не только экологические, но и политические, идеологические аспекты развития социализма»¹⁵.

Административно-командные методы управления колхозами сохранялись и в последующие годы, нанося тяжелый ущерб сельскому хозяйству, интересам колхозников, сковывая их инициативу, обостряя продовольственную проблему.

Грубо нарушались ленинские принципы материального стимулирования колхозников. За свой труд они получали низкую, иногда символическую оплату. Колхозы выступали в роли младших партнеров государственного сектора, служили важным источником мобилизации финансовых средств и рабочей силы для индустриальных отраслей, в первую очередь для тяжелой промышленности.

Обострению продовольственной проблемы в республике способствовала усугубившаяся монокультура хлопчатника, которая сохранилась до наших дней. Край, издавна славившийся замечательными фруктами и бахчевыми, не в состоянии ныне обеспечить ими свое население. Рыночные цены на продовольствие растут из года в год.

К этому следует добавить ухудшение качества сельхозпродуктов. Земли республики так насыщены ядохимикатами, что выращенные на них урожаи небезопасны для здоровья.

Монокультура хлопчатника привела к резкому сокращению кормовой базы животноводства. В результате производство мяса на душу населения УзССР ниже, чем во многих африканских странах.

Конечно, пройдя сложный путь, колхозы внесли большой вклад в подъем сельского хозяйства Узбекистана. Однако к настоящему времени назрела необходимость серьезных изменений в установившейся системе колхозно-совхозного производства. С началом перестройки принят ряд мер по переводу его на самокупаемость и хозяйственный расчет, развиваются различные формы аренды, бригадного, семейного подряда. Эти и другие меры знаменуют возврат к ленинскому учению о кооперации, к восстановлению нарушенных в годы культа личности и застоя принципов социализма в аграрном секторе.

Перестройка открыла перед колхозами республики новые горизонты. Повышается инициатива колхозников, чему в немалой степени способствуют развитие кооперативной и индивидуальной форм деятельности. Думается, что на этом нелегком и длительном пути следует учитывать исторический опыт первых аграрных преобразований, его положительные и отрицательные стороны.

До сих пор, развивая производство хлопка, шелковичных коконов, каракулевых смушек, республика тем не менее не получала фактической их стоимости и оказалась на государственной дотации. Узбекистан значительно отстает от среднесоюзного уровня по важнейшим показателям, в том числе по размеру национального дохода, росту производительности труда, фондоотдаче.

Одна из причин сложившегося положения заключается в том, что налог с оборота изымается не по месту производства хлопка-сырца, а по месту его реализации. В сложившейся с конца 20-х годов системе союзного разделения труда 93% выращенного в республике сырца перерабатывается за ее пределами. Соответственно доходы получает не Узбекистан, а другие союзные республики.

Принятая ныне система оптовых и закупочных цен, транспортных тарифов не всегда отражает действительные затраты на производство хлопка. В совокупность конечных доходов после переработки сырца

¹⁵ Горбачев М. С. Потенциал кооперации — делу перестройки: Выступление на IV Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1988 года. М., 1988. С. 10.

и получения из него тканей, масла и ряда других продуктов включается фактически лишь сырец; оплата отходов, которые являются ценнейшими продуктами (шелуха, жмых, гузапая), крайне низка.

Логично возникает вопрос: не настало ли время создавать материальную базу для переработки хлопка внутри республики, доведя этот показатель хотя бы до 40—50%? Это позволило бы полнее использовать рабочую силу, а республика перешла бы из числа поставляющих сырье в разряд перерабатывающих сырье регионов; сократились бы и колоссальные расходы на транспортировку сырца и волокна.

Мероприятия по развитию агропромышленного комплекса республики уже в ближайшее время должны включать повышение закупочных цен на хлопок-сырец. Сегодня дехканин получает за 1 кг хлопка всего 70 коп., что совершенно не соответствует затратам труда, тормозит рост жизненного уровня сельчан.

Серьезные просчеты в развитии сельского хозяйства, культивирование с конца 20-х годов административно-командных методов руководства сельскохозяйственным производством не могли не сказаться на социальном развитии кишлака. Жилищное строительство в сельской местности находится в плачевном состоянии. Основная часть построек возведена из кирпича-сырца, пахсы, дома не имеют элементарных удобств; 77% кишлаков не газифицированы. По уровню оказания услуг населению Узбекская ССР находится на предпоследнем месте в Союзе. Во многих сельских районах сложилось неблагоприятное положение с обеспечением питьевой водой.

Остро стоят вопросы организации здравоохранения в сельских районах. С середины 60-х годов повысилась смертность, особенно детская. Не хватает медицинских помещений, низко качество медицинского обслуживания. Не проявляется должной заботы об улучшении условий труда и быта сельчанок. Отдельного большого разговора заслуживает вопрос о привлечении на сельхозработы школьников.

Узел сложных и нерешенных проблем, стоящих сегодня перед сельским хозяйством, имеет глубокие корни. Методы и формы проведения сплошной коллективизации, нанесшие непоправимый урон развитию социализма, отбрасывают черную тень на все позитивное, что было в прошедших десятилетиях: честный труд тысяч колхозников и рабочих совхозов, широкое водное строительство, без которого земледелие региона попросту не может существовать, механизация и др.

И все же, поднимая сегодня завесу над трагическими страницами нашей истории, надо сказать, что в ней было и немало светлого, чистых порывов, энтузиазма, бескорыстия первых строителей социализма. Это должно давать нам, старшему и молодому поколениям, нравственную силу, чтобы, в полной мере осознавая трагизм исторической действительности середины 20—30-х годов, возвращая в народную память имена безвинно погибших, репрессированных, двигаться вперед по пути глубоких социально-экономических преобразований, по пути перестройки, создания правового социалистического государства и повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся масс.

Как подчеркнул М. С. Горбачев в речи на пленуме ЦК КП Украины 28 сентября 1989 г., «сейчас активно обсуждаются не только идейно-теоретические основы социализма, но и уроки пройденного нашей страной пути, высказываются различные точки зрения на прошлое.

...Мы не отказываемся от нашей истории, держим в памяти каждый ее день, видим в прошлом и хорошее, и плохое, воздавая должное и тому, и другому. В то же время... на многие события и периоды истории мы смотрим иными глазами, более определенно и конкретно оцениваем их, идем дальше в осмыслении истоков и тенденций исторического развития нашего общества»¹⁶.

¹⁶ Правда. 1989. 1 окт.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ПРОФСОЮЗНЫХ КАДРОВ В УЗБЕКИСТАНЕ
В 1945—1960 ГОДЫ

Успешное решение сложнейших задач обновления всех сфер жизни советского общества немислимо без качественного изменения и кардинального повышения уровня руководства развитием каждой сферы и страны в целом. Достижение этой цели «партия неразрывно связывает с дальнейшим улучшением работы с кадрами»¹.

Январский (1987) Пленум ЦК КПСС указал на необходимость серьезно обновить кадровую политику, сделать ее вполне современной, неразрывно связанной с ключевыми направлениями борьбы за совершенствование социализма в нашей стране. Одно из важных слагаемых этой многогранной работы — подготовка руководящих кадров самой массовой организации трудящихся — профессиональных союзов.

В постановлении прошедшего в сентябре 1989 г. VI пленума ВЦСПС говорится: «Общественно-политическая ситуация в стране остро и по-новому поставила вопрос о месте и роли профсоюзов в советском обществе, потребовала коренной перестройки их деятельности»². Исходя из этого, предъявляются повышенные требования и к улучшению качества подготовки квалифицированных профсоюзных кадров.

Для решения этой задачи в современных условиях важное значение имеет и всесторонний учет опыта работы с кадрами, накопленного в предыдущие годы Советской власти.

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, выступая на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС, отмечал, что, формулируя исходные требования кадровой политики партии, «мы должны учитывать и уроки прошлого, и те новые масштабные задачи, которые поставила жизнь сегодня»³.

Подготовка кадров для профсоюзов страны имеет богатую историю, неразрывно связанную с основными этапами развития профсоюзного движения в СССР, в том числе в Узбекистане. Несомненный интерес, в частности, представляют анализ и обобщение опыта подготовки руководящих кадров профсоюзов в Узбекистане в 1945—1960 гг.

Это был сложный и противоречивый период, когда наиболее полно проявились идеология и практика культа личности Сталина, его тяжелейшие последствия: командно-административные методы управления, грубые нарушения ленинских принципов партийного, советского, профсоюзного строительства, концепции социализма в целом, были заложены основы многих негативных явлений, которые и поныне продолжают мешать нашему движению вперед. И хотя во второй половине 50-х годов, после XX съезда КПСС, предпринимались попытки осуществления фундаментальных перемен, они не были доведены до конца в результате волюнтаристских методов и субъективистских ошибок.

Абсолютизация власти партийно-государственного аппарата, выработка решений в узком кругу, без тщательного учета реального положения дел, фактическое отстранение народа от управления обществом и государством, решения актуальных задач жизни страны и т. д. — все это неизбежно сказывалось и на деятельности профсоюзов. Они все меньше подходили на школу хозяйствования, управления, на школу коммунизма, о которой мечтал В. И. Ленин. Сфера их деятельности резко сузилась. Все реже выступали они как защитники социальных и профессиональных интересов рабочего класса. Словом, теряли «свое лицо». Между тем сложнейшие задачи послевоенного восстановления народного хозяйства страны и дальнейшего развития его

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 184.

² О текущем моменте и неотложных задачах профессиональных союзов: Постановление VI Пленума ВЦСПС. 8 сентября 1989 г. // Труд. 1989. 9 сент.

³ Горбачев М. С. О перестройке кадровой политики партии: Доклад Пленуму ЦК КПСС 27 января 1987 г. // Материалы Пленума ЦК КПСС 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 41.

объективно требовали возрастания роли профсоюзов, активизации всей их деятельности в массах, а это, в свою очередь, выдвигало задачи организационного укрепления профсоюзов и прежде всего улучшения всей работы по подбору, расстановке, подготовке и воспитанию их кадров.

Основная цель обучения профсоюзных кадров заключалась в повышении их идейно-теоретического уровня и деловой квалификации, привитии навыков организаторской работы в массах. Это вытекало из ленинского положения о том, чтобы «заведование делом оставалось *всегда* в руках вполне компетентных и гарантирующих успех дела работников»⁴.

В условиях культа личности развитие профсоюзного движения в стране шло крайне сложно и противоречиво. Массовые репрессии нанесли тяжелейший урон и профсоюзным кадрам. В профсоюзной работе насаждались командный стиль, дух казенщины и бюрократизма. Но вместе с тем надо отметить, что еще в довоенные годы партией и профсоюзами была создана система подготовки профсоюзных кадров. Незадолго до начала Великой Отечественной войны в стране были организованы постоянные курсы для подготовки руководящих работников профсоюзов при ВЦСПС и для подготовки председателей краевых, областных, фабрично-заводских и местных комитетов при ЦК отраслевых союзов. Эта работа, однако, была прервана начавшейся войной. Число кадровых работников профсоюзов в 1941—1945 гг. сильно сократилось и обновилось. Многие профсоюзные работники были мобилизованы на фронт. Продолжалась и перетряска профсоюзов. Новые же их кадры в большинстве своем не соответствовали требованиям развития профсоюзного движения в сложных условиях послевоенного развития, нуждались в серьезной теоретической подготовке, глубоко изучении теории и практики профсоюзной работы.

В Узбекистане систематическая подготовка профсоюзных кадров была налажена не сразу после завершения войны, а лишь с 1947 г. Президиум ВЦСПС 28 октября 1946 г. в специальном постановлении признал состояние работы по подготовке и переподготовке кадров профсоюзов неудовлетворительным. В постановлении были разработаны система и структура подготовки кадров профсоюзных организаций сверху донизу⁵.

Реализуя это постановление, профсоюзы готовили руководящих работников для ВЦСПС и Центральных комитетов в Московской высшей школе профдвижения (ныне Высшая школа профсоюзного движения ВЦСПС им. Н. М. Шверника) и руководящих работников Дворцов и Домов культуры, клубов, библиотек, культурно-массовых отделов ЦК профсоюзов.

Для обучения работников республиканских, областных, районных комитетов профсоюзов и завкомов крупных предприятий были созданы четыре двухгодичные школы профдвижения ВЦСПС: в Харькове, Минске, Свердловске и Ташкенте. Последняя призвана была удовлетворять потребности профсоюзов Среднеазиатского региона.

О создании профсоюзной школы в Ташкенте ходатайствовал ЦК КП(б) Узбекистана. По его инициативе была восстановлена и с 1947 г. начала функционировать Среднеазиатская высшая школа профдвижения ВЦСПС с двухгодичным сроком обучения⁶.

Состав слушателей школы (ежегодный прием — 75 человек) формировался по разнорядке ВЦСПС из лиц, командированных республиканскими комитетами профсоюзов. Учебный план предусматривал прохождение до 30 общеобразовательных и специальных предметов (история профсоюзов СССР, профсоюзное строительство, экономика промышленности, трудовое право и др.). Поскольку среди принятых на учебу было 19 узбеков⁷, были организованы занятия в одной группе на узбекском языке, в двух — на русском. Выпускники школы получали незаконченное высшее образование и приобретали специальность экономиста по труду.

Первый набор слушателей школы включал 50 мужчин и 25 женщин, из них 41 коммунист⁸. В дальнейшем количество женщин — слушательниц школы увеличилось и в 1954/55 учебном году достигло 59 человек⁹.

Вскоре, однако, выяснилось, что в силу ряда причин школа не выполняет в должной мере возложенные на нее задачи. 11 апреля 1950 г. Президиум Узсовпрофа, подводя итоги реализации решений X съезда профсоюзов СССР и XVII Пленума ВЦСПС по вопросу обучения и воспитания кадров, указал на серьезные недостатки в работе школы. Многие лекции читались на низком идейно-теоретическом уровне, без научного обоснования, в отрыве от жизни. Преподавательский состав мало занимался совершенствованием своей квалификации и методики преподавания. Поло-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 294.

⁵ О подготовке и переподготовке профсоюзных кадров: Постановление Президиума ВЦСПС от 28 октября 1946 г. // Труд. 1946. 3 нояб.; Профессиональные союзы. 1946. № 11—12. С. 21—25.

⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-2082, оп. 1, д. 74, л. 5—6; д. 208, л. 25.

⁷ Там же, д. 84, л. 19.

⁸ Там же, д. 169, л. 5.

⁹ Там же, д. 227, л. 8.

фина преподавателей школы работали на правах почасовиков. В неудовлетворительном состоянии находилась дисциплина слушателей и т. д. Узсовпроф отметил также, что из 197 человек, принятых на учебу за прошедшие годы, 124 (63%) были командированы профсоюзными организациями Узбекистана, тогда как школа считалась региональной¹⁰.

Однако принятое Узсовпрофом решение не привело к заметному улучшению работы школы, что было отмечено в августе 1951 г. Бюро ЦК Компартии Узбекистана¹¹.

В сентябре 1951 г. работа Ташкентской школы профдвижения после тщательного предварительного обследования стала предметом обсуждения на Секретариате ВЦСПС. Подытожив все факты несерьезного отношения к подбору кадров, приведшие к грубым нарушениям штатно-финансовой дисциплины, ослаблению учебно-педагогического процесса, ВЦСПС принял решение освободить директора школы от занимаемой должности. ВЦСПС обязал Узсовпроф и Отдел учебных заведений ВЦСПС в кратчайшие сроки навести в школе должный порядок и прежде всего обеспечить систематический контроль за подбором кадров и качеством преподавания¹².

Однако и вновь назначенной дирекции школы не удалось в должной мере выправить положение. 18 апреля 1953 г. газета «Труд» в статье «Серьезные недочеты в работе Ташкентской школы профдвижения» вскрыла ряд существенных недостатков в преподавании курса профсоюзного строительства. Статья обсуждалась на партийно-профсоюзном собрании школы, на заседании кафедры профсоюзного строительства. Были приняты меры по обновлению учебной программы курса и др.¹³

Но коренного перелома в работе школы добиться не удалось. Да этого, собственно, и не могло произойти в условиях того времени. Достаточно напомнить уже тот факт, что система политпросвещения строилась тогда, как и вся партийная пропаганда, на основе пресловутого «Краткого курса истории ВКП(б)». Как известно, содержание этой книги, написанной в период расцвета культа личности Сталина, при его непосредственном участии, в основном было нацелено на безудержное восхваление «вождя народов», его особой роли в истории партии и государства, искажало многие исторические факты и процессы, ленинские принципы построения социализма в нашей стране. Вследствие этого слушатели школы не получали подлинных знаний о марксистско-ленинской теории, закономерностях социалистического строительства и практике его осуществления. В процессе преподавания глубоко укоренились такие недостатки, как уход в прошлое от насущных проблем современности, догматизм, школярство, цитатничество. Грубо искажалось ленинское теоретическое наследие, принижалась роль В. И. Ленина и его соратников в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, создании Советского государства, развертывании социалистического строительства, пропагандировались «казарменные», командно-бюрократические методы работы, в том числе в профсоюзах, и т. д. Все это отражалось и на учебном процессе, на всей деятельности школы. А принимавшиеся в те годы «меры» к улучшению ее работы в основном сводились к многократным, во многом формальным, обсуждениям и периодическим «оргвыводам».

К тому же не все выпускники школы использовались по назначению. Из 600 специалистов, выпущенных с момента ее организации, больше половины были направлены на работу в партийном и советском аппарате¹⁴.

Указанные недостатки в работе школы, отсутствие штатного состава подготовленных преподавателей, инициативного, компетентного руководителя, необходимой материальной базы привели в конце концов к упразднению школы. Постановлением Секретариата ВЦСПС от 9 февраля 1956 г. Ташкентская школа профдвижения с 1 сентября того года была реорганизована в профсоюзные курсы ВЦСПС. Вся материальная и учебная база школы перешла в ведение этих курсов.

Между тем в стране произошло крупнейшее историческое событие — состоялся XX съезд КПСС (февраль 1956 г.), ставший важнейшей вехой в жизни партии и народа. Разрушались прежние стереотипы во внутренней и внешней политике, делались попытки слома командно-бюрократической системы управления, возрождения творческого духа ленинизма в теории и практике социалистического строительства.

Существенные перемены происходили и в профсоюзной работе. Усилия профсоюзов сосредоточились на повышении боевитости, принципиальности и инициативы в постановке и решении жизненно важных вопросов в соответствии с указаниями XX съезда партии.

Состоявшийся в декабре 1957 г. очередной Пленум ЦК КПСС принял развернутое постановление «О работе профессиональных союзов СССР», конкретизировавшее и развивавшее далее положения XX съезда партии о профсоюзах. Особое зна-

¹⁰ Там же, ф. Р-737, оп. 3, д. 150, л. 49—54.

¹¹ Там же, ф. Р-2082, оп. 1, д. 141, л. 1—25.

¹² Там же, ф. Р-737, оп. 3, д. 270, л. 104—105.

¹³ Там же, д. 790, л. 152.

¹⁴ Там же, д. 1229, л. 99.

чение Пленум придал организационному укреплению профсоюзов, повышению уровня их организационно-массовой работы, расширению их демократической основы.

Взросшие задачи профсоюзных кадров потребовали от Узсовпрофа, на баланс которого решением Секретариата ВЦСПС от 25 сентября 1957 г. были переданы профсоюзные курсы, усиления внимания к их работе. Деятельность курсов регламентировалась «Положением о профсоюзных курсах ВЦСПС», утвержденным Секретариатом ВЦСПС 20 июля 1955 г.¹⁵ Согласно этому Положению, дополненному Узсовпрофом, постоянные курсы имели своей задачей переподготовку кадров профсоюзных органов и профсоюзных культурно-просветительных учреждений.

Переподготовка кадров — это важное средство воспитания и повышения их квалификации. Полезный опыт переподготовки кадров профработников был накоплен еще до Великой Отечественной войны. Однако в годы войны вся эта система была нарушена и в послевоенный период ее пришлось восстанавливать заново.

В Узбекистане эта работа получила более четкие контуры после выхода в свет специального постановления Президиума ВЦСПС от 28 октября 1946 г. «О подготовке и переподготовке профсоюзных кадров» и создания Узбекского республиканского Совета профсоюзов в ноябре 1948 г. При ЦК профсоюзов были созданы трехмесячные курсы для переподготовки председателей фабзавкомов, руководителей клубов и библиотек. При Ташкентской школе ВЦСПС функционировали постоянно действующие курсы со сроком обучения от одного до трех месяцев. Здесь за время существования школы прошли переподготовку около 4 тыс. работников профсоюзов, включая председателей ФЗМК¹⁶.

Эта система дополнялась широкой сетью различных семинаров для руководителей низового звена.

С передачей курсов ВЦСПС в ведение Узсовпрофа у последнего значительно усложнились задачи, связанные с переподготовкой кадров. Непосредственно курсами ведал организационно-массовый отдел Республиканского Совета. Их работа в исследуемый период рассматривалась тогда практически ежегодно (13 декабря 1958 г., 28 мая 1959 г., 14 июня 1960 г.). В результате принимаемых мер количество переподготавливаемых профсоюзных кадров заметно увеличилось.

В условиях начавшейся после XX съезда КПСС борьбы за преодоление последствий культа личности Сталина и оздоровление всей жизни общества произошли изменения и в качестве переподготовки профсоюзных кадров. В преподавании учебных дисциплин преодолелись догматизм и начетничество, по-новому стал освещаться ряд вопросов истории партии, профсоюзов, профсоюзного строительства. Слушатели курсов и семинаров получали более расширенные и углубленные знания по общественным наукам. Однако в целом масштаб происходивших в исследуемый период перемен оказался ограниченным. И здесь негативную роль сыграли субъективизм, волюнтаризм, непоследовательность, незавершенность реформ, а затем и длительный период застоя, о чем подробно сказано на XXVII съезде КПСС, последующих Пленумах ЦК партии и в других партийных документах, а также в многочисленных публикациях последних лет.

На VI Пленуме ВЦСПС (1989 г.) много говорилось и о «диктате партии» над профсоюзами. Это в полной мере относится и к периоду 1945—1960 гг. Нередко партийные комитеты напрямую управляли профсоюзными организациями: декретировали им те или иные решения, предписывали различные, зачастую надуманные инициативы, навязывали заранее определенные позиции, тем самым извращая ленинские принципы партийного руководства профсоюзами. Как отмечала недавно в передовой статье газета «Правда», сложилась такая кадровая политика, «когда на работу в профсоюзные органы, как правило, даже не интересующиеся мнением самих членов профсоюза, направлялись люди из партийного аппарата — подчас малокомпетентные, не проявившие деловых качеств, а то и скомпрометировавшие себя»¹⁷.

Правильность этих выводов подтверждает, в частности, следующий характерный пример. Во второй половине 50-х годов директором профсоюзных курсов Узсовпрофа по инициативе партийных органов был утвержден человек, имевший среднее образование и в течение четырех лет даже не пытавшийся где-нибудь учиться. Не удивительно, что профсоюзные курсы ежегодно срывали планы обучения кадров. За 1959 г., например, он был выполнен на 74%. Наконец, постановлением Узсовпрофа 14 июня 1960 г. директор был освобожден «по его просьбе»¹⁸. Сам факт утверждения такого работника и освобождения после развала работы «по его просьбе» свидетельствует о серьезнейших недостатках в столь важном деле.

Систематическое невыполнение планов набора слушателей на курсы объяснялось и тем, что отдельные руководители республиканских и областных комитетов и облсовпрофов ошибочно полагали, что учеба профсоюзных кадров — их личное дело, вопрос второстепенный, а потому не создавали, особенно заочникам, условий

¹⁵ Там же, д. 1146, л. 153—154.

¹⁶ Там же, л. 154.

¹⁷ Партия и профсоюзы: Передовая//Правда. 1989. 22 авг.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-737, оп. 4, д. 6, л. 254—257.

для самостоятельной работы. В ряде случаев на курсы направлялись кадры, не отвечающие правилам приема, от которых просто хотели освободиться на местах.

Вместе с тем надо отметить, что с 1960 г. профсоюзы Узбекистана получили еще одну возможность для усиления переподготовки своих кадров. Решением ВЦСПС от 17 апреля 1959 г. при Московской высшей заочной школе профдвижения и Ленинградской ВШПД были открыты заочные курсы по учебным предметам: профсоюзное строительство, экономика труда, история профсоюзного движения, культурно-просветительная работа, методика учебно-творческой работы в коллективах художественной самодеятельности. Ежегодный прием обучающихся был определен соответственно в количестве 300 и 200 человек. Обучение на заочных курсах было рассчитано на один год¹⁹.

От Узбекской ССР заочные отделения при Московской и Ленинградской профсоюзных школах в исследуемый период закончили более ста профсоюзных работников. В целом они сыграли положительную роль в активизации профдвижения в Узбекистане²⁰.

Однако в начале 60-х годов наметилась тенденция к формализации деятельности профсоюзов. Административно-командная система связывала инициативу профсоюзов, не давала им возможности полностью реализовать свои права, в том числе в области кадровой работы.

В условиях перестройки положение и роль профсоюзов в обществе коренным образом меняются. Недавние забастовки (шахтеров и др.) свидетельствуют о падении авторитета отдельных профсоюзных комитетов и их руководителей, оторвавшихся от жизни, утративших живую связь с массами. Свой протест трудящиеся во многих случаях случаях выражали не через профсоюзные организации, а через забастовочные комитеты. Это, безусловно, серьезнейший сигнал.

На прошедшем в сентябре 1989 г. VI Пленуме ВЦСПС широко обсуждались причины, приведшие к отрыву профсоюзов от интересов трудящихся. Отмечалось, что профсоюзам для того, чтобы они стали самостоятельной организацией, прежде всего необходимы компетентные, хорошо подготовленные, инициативные кадры; высказывалось недовольство существующей системой подготовки профсоюзных кадров. В постановлении Пленума, в пункте 5, прямо указано на необходимость «разработать дополнительные меры по повышению качества подготовки профсоюзных кадров и актива»²¹. Много внимания уделил этому вопросу в докладе на Пленуме председатель ВЦСПС С. А. Шалаев.

Проблемы совершенствования всей системы подготовки и переподготовки профсоюзных кадров становятся ныне еще более актуальными в свете обсуждаемого в трудовых коллективах страны проекта Закона «О правах профессиональных союзов СССР». Эффективная реализация этих прав требует соответствующей подготовки профработников.

Пользуясь случаем, надо сказать, что и наука о профсоюзах находится в долгу перед профдвижением страны. Никто не осветил еще с глубоким теоретическим подходом роль профсоюзов в условиях перестройки, не спрогнозировано развитие ситуации, в которой оказались профсоюзы сегодня, не предложены реальные модели их действий на завтра. И здесь задача историков — извлечь должные уроки из прошлого и реально помочь тем самым делу создания подлинно самостоятельных и авторитетных профессиональных союзов, способных занять достойное место в перестройке и революционном обновлении всей нашей жизни. Как подчеркнул на пленуме ЦК КП Украины М. С. Горбачев, «пройденный нами путь — это бесценный, уникальный опыт, который должен стать предметом глубокого заинтересованного, но непредвзятого изучения и осмысления»²². Это в полной мере относится и к изучению истории советских профсоюзов, в том числе опыта подготовки кадров профработников в Узбекистане.

С. Н. Брежнева

¹⁹ О заочных курсах повышения квалификации профсоюзных работников при Московской и Ленинградской высших школах профдвижения ВЦСПС: Постановление Секретариата ВЦСПС от 3 ноября 1959 г. // Бюллетень ВЦСПС. 1959. № 21. С. 7.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-737, оп. 3, д. 1145, л. 5, 207.

²¹ О текущем моменте и неотложных задачах профессиональных союзов: Постановление VI Пленума ВЦСПС... // Труд. 1989. 9 сент.

²² Правда. 1989. 1 окт.

К ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКО-ИРАНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ В КОНЦЕ X ВЕКА

Деятельность В. В. Бартольда сыграла огромную роль не только для отечественного, но и для мирового востоковедения. Его многочисленные фундаментальные труды по истории народов Востока, истории ислама и других религий, исторической географии Ирана и Средней Азии, источниковедению, нумизматике и филологии были и будут опорой не для одного поколения востоковедов, и значение их для нау-

ки — непреодолимое. Однако в некоторых областях В. В. Бартольд не был специалистом, и отдельные его утверждения, в частности касающиеся истории науки в Средней Азии, сегодня не могут быть нами приняты. Так, он пишет в своей работе «История культурной жизни Туркестана»: «Впоследствии случилось, что отдельные просвещенные среднеазиатские владетели привлекали к своему двору ученых, в том числе и представителей точных наук, большей частью выходцев из Багдада и городов Западной Персии. Были и ученые среднеазиатского происхождения, обязанные своими сведениями приезжающим с запада учителям или сами ездившим учиться на запад; к числу их принадлежал и величайший мусульманский ученый Бируни, живший в XI в., по происхождению хорезмиец, пользовавшийся покровительством просвещенного хорезмшаха Ма'муна (убит в 1017 г.). Но даже деятельность таких людей не привела к установлению местных научных традиций»¹.

С этим никак нельзя согласиться ни в отношении Бируни, ни в отношении научных традиций в Средней Азии. Достаточно вспомнить, что Бируни не ездил учиться на мусульманский Запад и не имел западных наставников. Лишь по недоразумению В. В. Бартольд считал учителем Бируни выдающегося хорасанского естествоведа и прогрессивного мыслителя, уроженца и жителя Нишапура Абу-л-Аббаса ал-Ираишахри, не ведая, что он жил и работал за 100 лет до рождения Бируни². Действительным учителем Бируни был крупнейший математик и астроном, исконный хорезмиец, имя которого было широко известно не только в Средней Азии, но и на всем Ближнем и Среднем Востоке, — Абу Наср Мансур ибн Али ибн Ирак³. Ниже будет приведена характеристика, данная Бируни своему учителю как ученому, наставнику и человеку.

Вместе с тем, безусловно, научная жизнь в Средней Азии не была замкнутой и не варилась, как говорится, в собственном котле. Процесс обмена и взаимообогащения научной мыслью и информацией шел не только через научную литературу, но и непосредственно через ученых, многие из которых (Мухаммад ибн Муса Хорезми, Фергани, Фараби и др.), покинув по разным причинам родные места, жили и работали в центральных регионах халифата, а многие, наоборот, на короткое или длительное время переселились из арабских или иранских земель в города Средней Азии. К таковым, например, относятся для конца X в. уроженец Табаристана Абу Абдаллах ан-Натили, бывший временно учителем малолетнего Ибн Сины в Бухаре, а также работавший в Хорезме в конце X — начале XI в. врач и энциклопедист Абу Сахл ал-Масихи родом из Гургана, врач и переводчик с греческого Абу-л-Хайр ибн ал-Хаммар, прибывший примерно в то же время из Багдада в Хорезм, и некоторые другие. Надо сказать, что последние не были на новых местах организаторами научных школ и направлений, не заполняли вакуум в научном процессе, а наоборот, притягивались мощным научным потенциалом, созданным местными, среднеазиатскими традициями и школами.

Контуры этих школ еще неполностью выявлены, поскольку многие имена и их роль в развитии науки либо вообще нам пока не известны, либо ждут своего изучения. Однако можно уверенно говорить об устойчивых медицинских традициях в Бухаре, представителями которых были ал-Ахавайни ал-Бухари (середина X в.), ал-Кумри (конец X в.) и, наконец, ученик последнего великий Ибн Сина. Развитию математики, философии и других отраслей знания в Бухаре способствовала богатейшая библиотека, равной которой, по словам Ибн Сины, не было в других городах и странах. Хорезмийская научная школа имела уклон в сторону энциклопедизма и точных наук — математики и астрономии. Ее яркими представителями для конца X в. были энциклопедист Абу Абдаллах Хорезми, автор первой на всем мусульманском Востоке научной энциклопедии, геометр и алгебраист ал-Хубуби, уже упоминавшийся математик и астроном Ибн Ирак и, наконец, ученик последнего — Бируни.

В конце X в. наиболее тесными были взаимоотношения между учеными Средней Азии и Ирана. Порою они были не только оживленными, но и весьма сложными. Споры велись не только по поводу конкретных научных вопросов, но иногда затрагивали и проблему приоритета в области отдельных научных открытий. Яркой иллюстрацией тому может служить малоизвестный рассказ Бируни об открытии сферической теоремы синусов, содержащейся в его труде «Ключи сферики» («Макалид ильм ал-хай'а») ⁴.

¹ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 223.

² О нем см.: Булгаков П. Г. Из истории формирования естественнонаучных идей в средневековом Хорасане и Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1974. № 12. С. 33—36; Матвиевская Г. П., Розенфельд Б. А. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VIII—XVII вв.). Т. 2. М., 1983. С. 103—104.

³ Матвиевская Г. П., Розенфельд Б. А. Указ. соч. Т. 2. С. 209—213; Булгаков П. Г. Жизнь и труды Бируни. Ташкент, 1972. С. 28—30.

⁴ Груд этот дошел до нас в единственной Тегеранской рукописи (Синахсалар, № 597). Краткое содержание его см.: Kerpely N. S. Al-Biruni's Maqalid 'ilm al-hay'at / Journal for Near Eastern studies. Chicago, 1971. V. 30. N 3. P. 308—314.

Прежде чем перейти к сведениям Беруни, отметим, что для решения ряда вопросов сферической астрономии и геодезии, а именно — определения географических координат, азимутов населенных пунктов и расстояний между ними, издревле применялась сферическая теорема Менелая (так наз. «предложение о секущих»), базирующаяся на свойствах сторон фигуры секущих, т. е. полного сферического четырехугольника. Теорема эта выражалась в виде сложного составного отношения, и возникла необходимость в более легком для вычислений пути, поиск которого и привел к открытию сферической теоремы синусов. Почти одновременно в конце X в. ее доказали сразу несколько ученых Средней Азии и Ирана. Свидетелем тому был Беруни в пору своей молодости. Свой рассказ об участниках этого открытия и взаимоотношениях между ними он начинает с сообщения, что в бытность его в Хорезме к нему (по-видимому, в письме) обратился известный персидский астроном и математик Абу Са'ид Ахмад ибн Мухаммад ас-Сиджизи (ок. 950 — ок. 1025), работавший преимущественно в Ширазе, с просьбой попросить Ибн Ирака рассмотреть и упорядочить методы, применявшиеся для определения азимутов⁵. Беруни пишет:

«У Абу Са'ида Ахмада ибн Мухаммада ибн Абдалджалила [ас-Сиджизи] скопился ряд методов, принадлежавших достойнейшим геометрам и авторам зиджей, и вычислений азимута киблы⁶ путем расчетов и землемерных определений, [содержащих] разные результаты и не имеющих доказательств. И я сообщил ему, что мой господин и воспитатель Абу Наср Мансур ибн Али ибн Ирак, да поддержит его Аллах всемогущий силой, в настоящее время занят выведением доказательств подобных методов путем глубоких по содержанию и легких для восприятия вычислений. Тогда он [ас-Сиджизи] попросил меня, чтобы я попросил [Ибн Ирака] рассмотреть эти [имеющиеся у него] методы, устранить погрешности при уточнении их и выявить причины, приведшие их авторов к этим [погрешностям]. И я сделал это.

И тогда Абу Наср составил по этим вопросам книгу, которую назвал [«Книгой»] азимутов», и изложил в ней все, что от него требовалось. В некоторых местах этой книги он вывел [свои] следствия, вытекающие из предложений [о секущих], не содержащие ни [единого] положения, в котором [ас-Сиджизи] не нуждался бы⁷.

О том, как развивались события в дальнейшем, Беруни сообщает следующее:

«Весть об этой книге дошла до Абу-л-Вафы Мухаммада ибн Мухаммада ал-Бузджани, и он, переписываясь со мной, написал мне, [расспрашивая] о ее содержании. Я выслал его [книгу] ему, а он в те дни был в Городе Мира [Багдаде].

И прибыл это ответ, в котором говорится, что он счел бы книгу достойной восхищения и уважения, если бы только автор ее не следовал в ней методам древних [ученых] использования ими фигуры секущих и составного отношения, и что ему самому [ал-Бузджани] принадлежат [новые] правильные методы определения азимута, которые более кратки и лучше, чем эти.

Я показал то, что он сказал, Абу Насру, и тот заявил [в ответ], что он так сделал из любви заниматься наследием древних [ученых] и из-за потребности в фигуре секущих при восстановлении [утраченных] доказательств действий других ученых, посредством которых они когда-то осуществили эти [действия]. Что же касается [метода], о котором упоминает Абу-л-Вафа, [т. е. сферической теоремы синусов], то он [действительно] легок. Однако, если кто-нибудь склонен к [использованию] его, то он найдет полное удовлетворение в двух предложениях из [той же] «Книги азимутов». Он [Ибн Ирак] показал мне места, где они [содержатся], и как избежать погрешностей при их [использовании]. Не ограничившись этим, он тогда же составил для меня [специальный] трактат, в котором разъяснил это [новое] предложение, [т. е. сферическую теорему синусов], и как им пользоваться.

Затем, по прошествии года после этого, Абу-л-Вафа выслал мне семь глав из его книги, которую он написал и назвал «Альмагестом Абу-л-Вафы», и там он привел это предложение, [т. е. сферическую теорему синусов] с близким [к выведенному Ибн Ираком] доказательством, которое он использовал во всех вопросах сферики в своем «Альмагесте».

И когда у меня оказалось то, что я получил от них обоих, я сам вывел доказательство этого [предложения] методом, который недалек [для понимания] того, кто [хорошо] представляет себе линии внутри сферы и близок к практическим путям его использования. Я приведу его ниже в этой книге.

После этого я искал убежища в городе Рее и встретил в нем Абу Махмуда Хамида ибн ал-Хидра ал-Ходженди. Он показал мне книгу, которую он составил для действий по [определению наибольшего] склонения по неподвижным звездам.

⁵ По неполному и содержащему ряд серьезных ошибок переводу данных сведений Э. Г. Касымовой получается, что не ас-Сиджизи обратился через Беруни с такой просьбой к Ибн Ираку, а Ибн Ирак попросил об этом Беруни (sic!). Касымова Э. Г. Трактат Беруни о сферической тригонометрии//Беруни: К 1000-летию со дня рождения: Сб. статей. Ташкент, 1973. С. 82.

⁶ Кибла — направление на Мекку.

⁷ Ркп. Сипахсалар, № 597, л. 163а.

В начале ее он привел это же предложение, [т. е. сферическую теорему синусов], с другим доказательством, разделив его [на разделы из-за его] длины. Он назвал его законом сферики и строил на нем все, к чему стремился в этой книге.

Затем я подал мысль Абу-л-Хасану Кушйару ибн Лаббану ал-Джили написать книгу, и в ее начальных разделах он привел это предложение, [т. е. сферическую теорему синусов], подобно тому, как сформулировал его Абу Махмуд [ал-Ходженди]. Он назвал его «освобождающим», имея в виду, что оно освобождает от [использования] фигуры секущих. С его помощью он вычислил в этой [своей книге] большую часть того, что содержит вторая книга «Альмагеста»⁸, уклонившись в сторону облегчения действий, ибо в этом [новом] предложении используется лишь одно отношение, к тому же — простое, а не составное, и оно содержит не более четырех величин. [При этом] совершенно очевидно преимущество легкости представления и осуществления действия, [становящегося] простейшим на [основе] этого [предложения] при [первоначально] сложном, составном [его виде].

Что касается Абу Насра [Ибн Ирака], то по причине моего досконального знания важнейших обстоятельств его научной [жизни] и личного ознакомления с ними с тех пор, как я стал заниматься областью математики и пользоваться имеющимися в его собрании книгами, и [по причине] того, что он диктовал мне все, что он определил и вывел, его непричастности к приписыванию себе того, что принадлежит другим, его справедливости в решении [спорных вопросов] между двумя спорящими, а также по причине охотного его вхождения в близкие связи с учеными, которые ниже его уровня, при том, что он не учился ни у одного из них, обилия знаний, [отличавшего] его образованность, чистоты помыслов и удивительной пронизательности, свойственной его натуре, я не только не подозреваю его в том, что он заимствовал это предложение у кого-нибудь другого, но даже не позволяю себе допустить мысль об этом, как по изложенным выше причинам, так и потому, что он составил это [предложение] в ответ, когда [его] попросили об этом, и в этом возникла потребность.

А что касается Абу-л-Вафы [ал-Бузджани], то я никогда его лично не видел и с обстоятельствами его [жизни] не был знаком так, как был знаком с ними у других ученых. Но я удивляюсь ему: ведь он видел в «Книге азимутов» два предложения [Ибн Ирака], которые приводят к тому [предложению], которым он сам, [как] его автор, гордится. Однако он остался слеп и глух к этим двум [предложениям Ибн Ирака]. И если [ал-Бузджани] гордится упомянутым [своим] предложением, то подобное ему, принадлежащее другому, [Ибн Ираку], он видел воочию перед собой, где в начале [книги] было сказано, что упомянутые круги можно определить одним из методов [определения] азимута киблы, иным, чем употреблявшиеся раньше в конических сечениях. В конце же там было сказано, что результатом [использования] этого метода является определение склонений и восхождений [светил], иное, чем выполненное Птолемеем посредством конических сечений.

Если же [ал-Бузджани] гордится в том, что мы упомянули, своим методом [определения] азимута киблы, то [и сюда] он не привнес ничего нового, [повторив] лишь то, что в точности такое же есть в видже Хабаша ал-Хасиба⁹. Он ничего не прибавил к этому, кроме расчленения действия на части, размещенные в нескольких разделах [книги], и ничего не изменил, кроме выражений «уравненная долгота», [которое он переименовал в] «уравнение долготы», и «уравненная широта», которое [у него] — «уравнение широты».

Однако, несмотря на это, он [ал-Бузджани] заслуживает благодарности за его старание и труд. И я ставлю ему в вину лишь то, что не подобает его достоинству, а именно — ложное хвастовство. Очень некрасиво для него соперничать в славе с тем, кто впервые предложил для [определения] азимута киблы им открытое [предложение] в «Книге азимутов», [т. е. сферическую теорему синусов].

Что касается Абу Махмуда [ал-Ходженди], то он сказал, что он впервые [сам] достиг этого, и что Абу-л-Вафа заимствовал это у него, хотя и не упоминает о том. При незнании истинного положения дела и расхождении взглядов их на это, о чем я [ниже] расскажу, а также при наблюдаемой их взаимной неприязни и при том, что каждый из них примыкает к группе, враждебно настроенной по отношению к другой, вопрос о первенстве здесь может быть решен в пользу каждого из них двоих.

Что же касается Кушйара, то в присутствии Абу Махмуда он признался, что не имеет в этом никаких заслуг, кроме улучшения [предложения], изложения в более кратком виде и некоторых поправок.

Таковы истины, которые мне удалось восстановить по памяти относительно сведений об этих [ученых]¹⁰.

Итак, в этой истории — шесть действующих лиц: три иранских ученых (Абу Са'ид ас-Сиджизи, Абу-л-Вафа ал-Бузджани и Кушйар ибн Лаббан ал-Джили) и

⁸ Имеется в виду «Альмагест» Птолемея.

⁹ Крупный математик и астроном (ок. 770—ок. 870), уроженец Мерва, работал в Багдаде вместе с Хорезми.

¹⁰ Ркп. Сипахсалар, № 597, л. 163а—164б.

три среднеазиатских (учитель Беруни Ибн Ирак, Абу Махмуд ал-Ходженди и сам Беруни). Об ас-Сиджизи и Ибн Ираке уже шла речь; надо сказать несколько слов и об остальных упомянутых Беруни лицах.

Абу-л-Вафа Мухаммад ибн Мухаммад ал-Бузджани (940—998) — едва ли не самый крупный математик и астроном второй половины X в. в пределах всего халифата. Родился в Иранском Хорасане, а с 959 г. до конца жизни работал в Багдаде. Автор многих глубоких исследований, в том числе астрономо-математического свода, названного им так же, как и знаменитый свод Клавдия Птолемея «Альмагест»¹¹.

Абу Махмуд Хамид ибн ал-Хидр ал-Ходженди (ум. около 1000 г.) — крупный астроном и математик, конструктор астрономических инструментов. Родился в Ходженге (Ходженде)¹², работал в Рее, находившемся на окраинах современного Тегерана, близ которого построил изобретенный им огромный подземный секстант, впоследствии модифицированный Улугбеком¹³.

Кушйар ибн Лаббан ал-Джилли (ок. 941 — ок. 1010) — известный астроном и математик, уроженец Гиляна, работал в Ширазе и других городах Ирана, автор нескольких зиджей (астрономических таблиц) и трактатов по астрономии и арифметике¹⁴.

Из этих шести ученых выпадают из спора о первенстве доказательства сферической теоремы синусов сразу трое: ас-Сиджизи, который лишь поднял вопрос о необходимости упорядочения методов вычислений в сфере; Кушйар ибн Лаббан, признавшийся, что он не открыл эту теорему, а лишь несколько упростил ее доказательство, и Беруни, который хотя и предложил позднее собственное доказательство теоремы, но уже располагал доказательствами ал-Бузджани и Ибн Ирака. Таким образом, круг претендентов на приоритет открытия сферической теоремы синусов включает в себя три лица: Ибн Ирака, ал-Бузджани и ал-Ходженди.

Беруни, отстаивая заслуги в этом Ибн Ирака и порицая ал-Бузджани, отнюдь не обвиняет последнего в плагиате, как это может показаться с первого взгляда. Наоборот, он хвалит его за усердие и достигнутые результаты. Порицает же он ал-Бузджани за нескромность и незтичность, поскольку он видел (хотя бы и иное) доказательство этой теоремы, принадлежащее Ибн Ираку, но не обмолвился об этом в своем труде. Что касается обвинений в плагиате ал-Ходженди, выдвинутых со стороны ал-Бузджани, то Беруни из-за отсутствия достаточных данных не решает спора между ними ни в чью пользу. Нам сегодня представляется справедливым признать за каждым из этих трех ученых равные заслуги в данной области.

Сам Беруни сохранил добрые отношения и с ал-Ходженди, и с ал-Бузджани, продолжавшиеся до конца их жизни, не говоря уже о своем учителе Ибн Ираке. Оказавшись в 995—996 гг. в Рее, он постоянно общался с ал-Ходженди, и одну из самых первых своих работ посвятил его подземному секстанту. А с ал-Бузджани они, так и не встретившись, совместно решили труднейшую задачу — определили разность географических долгот между Багдадом и столицей Хорезма Кятом, наблюдая каждый в своем городе одно и то же лунное затмение с фиксацией по местному времени его фаз и обменявшись результатами по переписке. Это было в 997 г., за год до смерти ал-Бузджани.

П. Г. Булгаков

¹¹ О нем см.: Матвиевская Г. П., Розенфельд Б. А. Указ. соч. Т. 2. С. 177—181.

¹² Совр. Ленинабад.

¹³ См.: Булгаков П. Г. Жизнь и труды Беруни. С. 48—56; Матвиевская Г. П., Розенфельд Б. А. Указ. соч. Т. 2. С. 184—186.

¹⁴ См. (с иными годами жизни): Матвиевская Г. П., Розенфельд Б. А. Указ. соч. Т. 2. С. 216—219.

АЛ-КАСИМ ИБН АЛ-ХУСАЙН — ХОРЕЗМИЙСКИЙ ПОЭТ И ЛИТЕРАТОР XII—XIII ВЕКОВ

Время существования государства Хорезм-шахов, особенно период правления султанов Текиша и Ала ад-Дина Мухаммада, характеризуется подъемом культурной жизни Хорезма¹. На этот период и приходятся жизнь и творчество хорезмийского поэта и прозаика ал-Касима ибн ал-Хусайна. Его полное имя — ал-Касим ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад Абу Мухаммад ал-Хорезми, по прозвищу Садр ал-афадил (глава нандостойнейших). Родился он в 555 (1160) г. х. в Хорезме. Имеются сведения о том, что он учился фикху у известного хорезмийского ученого Абу-л-Фатха Насира ибн Абд-ас-Сайнда ал-Мутарризи (1144—1213)² и у него же получил дос-

¹ Об этом см.: Бунятов З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097—1231). М., 1986. С. 118.

² О нем см. подробнее: Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. Ташкент, 1988. С. 69; Ибн Кутлубуга. Тадж ат-тараджум. Багдад, 1962. С. 50.

таточные знания по арабскому языку, грамматике, поэзии, адабу и т. д.³ Кроме того, как отмечают некоторые современные авторы, в молодые годы он получил знания по различным (в основном гуманитарным) наукам у известных ученых того времени и достиг больших успехов как хороший знаток арабского языка и факих суннитского толка⁴.

В более зрелом возрасте, уже как сложившийся поэт и ученый по фикху, ал-Касим ибн ал-Хусейн отправился для углубления своих знаний в Бухару, которая, как отмечал еще Абу Мансур ас-Саалиби (961—1038), со времен Саманидов считалась «обителью славы, ка'абой владычества, местом собрания выдающихся людей эпохи, местом восхождения звезд литераторов всей земли и местом празднества для образованных людей своего времени»⁵. Следует отметить, что наука и культура и в Хорезме, и в Бухаре были тогда весьма развиты, что характеризовалось богатым творчеством многих известных ученых, адибов, поэтов и т. д. Так что ал-Касим ибн ал-Хусейн получил в этих городах обширные знания и стал одним из известных поэтов и литераторов Хорезма того периода.

Наиболее подробные сведения о жизни и творчестве ал-Касима ибн ал-Хусейна сообщает известный арабский географ и путешественник Иакут ал-Хамави (1179—1229), который во время своего пребывания в Хорезме в 1220 г. встречался с ал-Касимом и побывал у него в гостях. В частности, в своем биографическом словаре «Иршад ал-ариб ила ма'рифат ал-адиб» («Ознакомление ученых со сведениями о мудрецах»), или сокращенно «Му'джам ал-удабо» («Словарь литераторов»), Иакут ал-Хамави пишет: «Он (ал-Касим ибн ал-Хусейн) был поистине одним из наидостойнейших (ученых) и действительно уникалом своей эпохи в знании арабского языка; обладал мысленным лиц, будящих умы, и характером критиков. Он обладал острым умом и правдивой натурой; был искусным в науке адаба и высоко поднялся в стихосложениях и риторической прозе... Я спросил у него о времени его рождения и он ответил: «Время, место рождения — девятая ночь месяца ша'бана 555 [14 августа 1160] г. Я был у него дома в Хорезме и увидел в нем душу, способную наполнить собой (другую) душу жизнерадостностью, чудесным настроением, искренней радостью и остроумным языком»⁶.

Некоторые исследователи предполагают, что у ал-Касима ибн ал-Хусейна должен быть стихотворный диван, однако до нас он не сохранился; видимо, был уничтожен во время нашествия монголов на Хорезм⁷. Отрывки из его поэтического наследия в основном содержатся в упомянутом труде Иакута ал-Хамави. По ним можно судить, что тематика его была подобна традиционной тематике классических арабских поэтов: встречаются стихи панегирического характера в честь правителей, газели, фахр (гордость) и т. д. Но отличительная черта творчества ал-Касима ибн ал-Хусейна состоит в том, что у него встречаются стихи, правдоподобно отражающие кочевую жизнь арабов-бедунов, хотя известно, что сам он среди арабов, тем более бедунов, не бывал, но тем не менее с большим знанием дела описывает их кочевой образ жизни. Все это вытекало из глубокого, досконального изучения им лучших образцов арабской классической поэзии⁸.

Хотя в своей поэтической манере ал-Касим ибн ал-Хусейн придерживался традиционных форм (мадх, газели, фахр и т. д.), она иногда отличается некоторым своеобразием. Это особенно заметно, когда поэт воспевает своих предков, родителей или щедрость и благородство своей семьи.

Ал-Касим ибн ал-Хусейн был также автором ряда сочинений по грамматике, фикху и составителем комментариев к различным трудам других известных авторов. К их числу относятся: «Ал-Муджмара» («Собирающая», небольшая книга относительно разъяснения «Ал-Муфассал») аз-Замахшари; «Ас-Сабиha» («Слиток»), комментирующая ту же книгу аз-Замахшари; «Ат-Таджмир» («Воссоединение»), также комментирующая «Ал-Муфассал»; популярная книга, разъясняющая «Сакт аз-Занд» ал-Ма'ари; «Ат-Таудих фи шарх ал-Макамат» — книга, комментирующая «Макамы» ал-Хариди; «Лахджат аш-шари'а» («Язык шарната») — книга, разъясняющая лексику фикха; «Шарх ал-Муфрад ва-л-Муаллиф» («Комментарий на «Ал-Муфрад ва-л-Муаллиф») аз-Замахшари; «Шарх ал-Унмузадж» («Комментарий на «Ал-Унмузадж» аз-Замахшари); «Шарх ал-Ахаджи» («Комментарий на «Ал-Ахаджи» аз-Замахшари); «Хилват ар-райахйн» («Обитель базилика»), посвященная лекциям; «Аджнаб ан-нахв» («О диких словах синтаксиса»); «Китаб ас-сир фи-л-'ираб» («Книга о тайнах флексии»); «Китаб шарх ал-абнийя» («Книга, разъясняющая неизменяемые грамматические формы»); «Китаб аз-завайа ва-л-хабайа» («Книга закоулков и тай-

³ Абу-л-Хасанат Мухаммад Абд ал-Хай и ал-Лакнави. Ал-Фаваид ал-бахийа фи тараджум ал-ханафийа. Дели, 1967. С. 174.

⁴ Хинд Хусайн Таха. Ал-Адаб ал-араби фи иклим Хваразм. Багдад, 1976. С. 276.

⁵ Абдуллаев И. Поэзия на арабском языке в Средней Азии и Хорасане X — начала XI вв. Ташкент, 1984. С. 5.

⁶ Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. С. 70.

⁷ Хинд Хусайн Таха. Указ. соч. С. 277.

⁸ Там же. С. 278.

ников») — по грамматике; «Китаб ал-мухассил ли-л-мухсила» («Книга итогов изучаемого») — по риторике; «Китаб уджала ас-сафар фи-ш-ши'р» («Книга «Быстрое путешествие в поэтику»); «Китаб бада'и ал-милх» («Книга «О редко встречающихся остроумных выражениях»); «Китаб шарх ал-Йамини» («Книга, разъясняющая «Ал-Йамини» Абу Насра ал-Утби»⁹.

Как видим, большинство сочинений ал-Касима ибн ал-Хусайна составили комментарии к трудам знаменитого хорезмийского ученого аз-Замахшари (1075—1144), что, в свою очередь, свидетельствует о большом интересе, проявлявшемся уже в то время к изучению литературного наследия аз-Замахшари, и широкой известности его среди ученых, адибов и поэтов. К сожалению, мы не располагаем сведениями о дошедших до нас сочинениях ал-Касима ибн ал-Хусайна. Видимо, многие из них были уничтожены еще при вторжении монголов в Хорезм вместе с массой иных ценнейших памятников культуры, богатейшими библиотечными собраниями сочинений по различным отраслям наук. И сам ал-Касим ибн ал-Хусайн был убит монголами в 1223 г.¹⁰

У. Уватов

⁹ Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. С. 71—72.

¹⁰ Ибн Кутлубуга. Указ. соч. С. 50.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

РАННЕКУШАНСКАЯ ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛАСТИКА ИЗ МИРЗАКУЛТЕПА

Одним из основополагающих моментов построения общей схемы эволюции терракотовой скульптуры и выделения этапов развития пластического образа является изучение образцов пластики из достоверно стратифицированных слоев археологических памятников. Твердо датированные памятники коропластического искусства служат той основой, на которой строится шкала хронологического и иконографического развития художественного образа. В то же время атрибуция этих памятников облегчает анализ многочисленных экземпляров подъемного происхождения, оценка которых в публикациях носит большей частью предварительный характер и требует определенных уточнений.

Здесь мы рассмотрим художественную терракоту, выявленную в результате археологических работ на Мирзакултепа, которые проводились (с перерывами) с 1973 по 1981 г.

Мирзакултепинский терракотовый комплекс — особо ценный источник по изучению художественной культуры ранних кушан, тем более, что данная область до сих пор остается малоизученной. Отметим также, что хронологические рамки бытования терракотовых статуэток на Мирзакултепа устанавливаются на основе нумизматического материала, раскрывая тем самым один из этапов формирования и развития кушанской пластики северобактрийского региона.

Мирзакултепа — поселение раннекушанского времени, расположенное в 13 км с.-в. Термеза. Площадь его чуть больше 1 га. В процессе археологических раскопок вскрыты остатки более 100 помещений. Часть терракоп, полученных в результате этих раскопок, опубликована ранее¹.

Для датировки терракоп из Мирзакултепа можно привлечь довольно богатый керамический материал. Статуэтки были найдены с комплексом керамики раннекушанского времени, включающим наиболее характерные формы сосудов, как цилиндрико-конические кубки, бокалы различных типов на высокой профилированной ножке, одноручные кувшины, полусферические чаши, столовые тагора, различные серогляняные чаши, кувшины, тарелки и другая керамика. Круг аналогий подобной керамики довольно широк. Но наиболее близкими типами представляются керамические изделия, распространенные на территории самой Северной Бактрии. В частности, они известны в комплексе керамики периода Дальварзин-III, датированном концом I — началом II в. н. э.², в комплексе III—IV Халчаяна, относящемся к II—I вв. до н. э.³, в нижних слоях поселений Шерабадского оазиса⁴, Зартепа, Старого Термеза и т. д.

Хронологический диапазон керамики этих памятников обширен — от II в. до н. э. до II в. н. э. Сравнительный анализ материалов позволил предложить для керамического комплекса Мирзакултепа более точную дату. Здесь отсутствуют от-

¹ Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978. С. 42—48.

² Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г. А. Керамика Дальверзинтепа// Дальверзинтепа — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1979. С. 150—155.

³ Пугаченкова Г. А. Халчаян: К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966. С. 38—44.

дельные формы керамики, характерные для более раннего времени, в частности чаши с клювовидным венчиком, отогнутым наружу, чаши с Т- и Г-образным венчиком, тарелки. Многие сосуды претерпели некоторые изменения (цилиндро-конические кубки, чаши с закругленным внутрь венчиком, бокалы). Качество керамики несколько ухудшилось, изменился характер обработки поверхности сосудов, ее начали богато украшать. Наряду с многочисленной сероглинной керамикой появляются отдельные ранее не известные формы типа столовых тагора. Все это в целом позволяет датировать керамику Мирзакултепа I в. н. э. Дата эта подкрепляется и нумизматическим материалом.

На Мирзакултепа к настоящему времени обнаружено 27 монет. Из них 9 относятся к группе монет, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла с изображением Зевса на оборотной стороне, 16 — к группе «Сотер Мегас». Найдено также по одному экземпляру монет Вимы Кадфиза и Канишки. Все монеты и условия их залегания имеют непосредственное отношение и датировке данного поселения и воссозданию общей исторической картины развития поселения на Мирзакултепа. Монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла и Сотер Мегаса, найдены в слое и на полу. С обращением их связано, по всей вероятности, интенсивное обживание Мирзакултепа. Причем три из публикуемых терракот найдены в помещениях вместе с монетами. Монета Вимы Кадфиза найдена в дерновом слое. Видимо, к периоду обращения этих монет жизнь на поселении приходит в упадок. При Канишке поселение частично используется уже под кладбище. Об этом свидетельствует монета Канишки, найденная в погребении, вырубленном в строительных конструкциях предшествующей эпохи.

Не касаясь здесь проблемы «даты Канишки» в целом, мы, как и большинство исследователей, склонны отнести начало его правления к концу I — началу II в. н. э., т. е. терракотовый комплекс Мирзакултепа мы относим к периоду не позже I половины II в. н. э. Учитывая, что подавляющее большинство монет чеканены по типу тетрадрахм Гелиокла и Сотер Мегаса, основную массу терракотовых изделий следует, очевидно, датировать именно этим временем.

Терракотовый материал из Мирзакултепа можно классифицировать следующим образом: 1) антропоморфная терракота, выполненная в технике штампа; 2) зооморфная, как правило, вылепленная вручную; 3) группа статуэток всадников, вылепленных также от руки. Учитывая малочисленность подобной категории археологических источников для периода ранних кушан, мы приводим полное описание этих находок.

Антропоморфная терракота. Терракотовое изображение стоящей фигуры в длинном складчатом одеянии. Поза фронтальна. Правая рука поднята на уровень груди, левая лежит на поясе, кисти рук выделены более отчетливо, массивно выступающими рельефами. В аналогичной манере показаны длинные рукава платья с орнаментальной полосой в виде пуансонных вдавлений по нижнему краю рукава. Запястья (на левом это видно более отчетливо) украшены перлами, передающими, видимо, нашивные бляшки (?). Длинное, расширяющееся к основанию платье передано частыми и тонкими бороздками, следующими из-под рукавов. Мастер не выделяет приталенную часть платья, а также борта, как это можно видеть на статуарных произведениях, передающих скульптурные образы кушанских вельмож. Вероятно, здесь показана натальная одежда хитонаобразной формы, в пользу чего свидетельствуют длинные продольные складки мелко драпирующейся тонкой материи. Ноги фигуры обозначены выступающими за край подола платья рельефами; они широко расставлены.

Фигурка изготовлена из глины тонкой отмучки, без видимых примесей; черпок в изломе плотный, желтовато-коричневый, с ровным качественным обжигом. Поверхность терракоты покрыта ангобом красновато-коричневого оттенка. Изображение оттиснуто в матрице в технике низкого рельефа, бока подрезаны острым инструментом, тыльная часть разглажена, на вмятой средней части сохранились отпечатки пальцев. Сохранившаяся высота (голова отсутствует) фигурки — 9 см; максимальная толщина — 2 см, высота рельефа — 1,5—0,7 см, ширина у основания фигурки — 5,5 см.

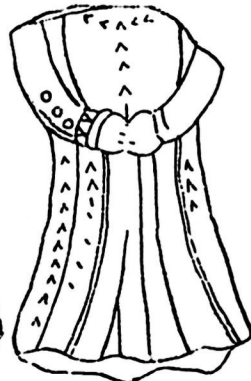
Вторая терракота⁵, имея с первой иконографическую основу, тем не менее отличается рядом деталей, передающих особенности костюма. Поза фронтальна. Руки, показанные в виде полукруглых валиков, сложены на поясе, кисти рук выражены слабо. Своеобразна манера передачи длинного, свисающего до самого низа платья. Конструктивно оно делится как бы на две части. По верхней, сглаженной части следует вертикальная линия из ряда треугольных наколов, сделанных острым инструментом; аналогичный ряд наколов образует на груди полукруг, передающий, видимо, нагрудное украшение. Рукава платья (наиболее четко это представлено на правом рукаве) украшены округлыми нашивными бляшками, переданными тремя

⁴ Некрасова Е. Г. Древняя керамика Шерабадского оазиса//Бактрийские древности. Л., 1976. С. 76—82.

⁵ Нумерация терракотовых изображений в табл. 1 соответствует последовательности описания их в тексте.

1

2

13

9

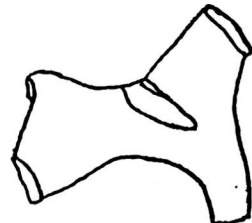
10

3

8

11

4

5

6

7

12

14

округлыми вдавлениями, следующими вдоль рукава. Два поперечных вдавления треугольной формы на запястьях означают, по всей вероятности, бляшки, украшавшие манжеты рукавов. Нижняя часть платья показана глубокими бороздками, расходящимися к основанию веером; рельефные линии дополнительно орнаментированы насечками. Широкий подол платья в нижней части как бы прикрывает мягкую с заостренным носком обувь.

Терракота изготовлена из тонкоотмученной глины, излом розового оттенка с ровным качественным обжигом. Поверхность терракоты покрыта темно-коричневым ангобом. Тыльная сторона ровно разглажена, бока подрезаны инструментом. Фигурка отгиснута на толкой заготовке (2 см). Высота рельефа колеблется от 0,5 до 1 см. Верхняя часть терракоты, примерно на уровне груди, отколота.

Третья терракота представляет собой женское изображение, выполненное в технике высокого рельефа. Лицо округлых очертаний с низким покатым лбом, верхнюю часть которого обрамляет ровная, показанная полукругом, линия волос. Прическа высокая, с зачесанными назад волосами, переданными косыми частыми линиями. Параллельно верхней линии лба следуют рельефы надбровных дуг; они слабо выражены на фоне глубоко запавших глаз. Глаза большие, с опущенными вниз наружными углами. От крыльев расширяющегося к основанию носа вниз, к уголкам рта, следуют морщины. Рот маленький, подбородок заостренный. Лицо в целом производит впечатление старческого. На шее видна горизонтальная линия с округлыми бусами.

Аналогичная фигурка, изображенная по пояс, была найдена на территории колхоза «Коммунизм» Ангорского района⁶. На этом экземпляре можно более конкретно судить о форме платья. Верхняя часть его представляет собой плотно облегающую материю без проработки драпировки; рукава платья украшены точечными вдавлениями, передающими нашивные бляшки. Здесь, помимо шейного украшения, показано также нагрудное ожерелье в виде широкой ленты с продавленными инструментом треугольными углублениями. Интересна совершенно аналогичная манера украшения рукава в виде трех округлых вдавлений, как на первых двух образцах мирзакултепинских терракот. Запястье левой руки украшено, как и на мирзакултепинской фигурке, рядом выступающих перлов; сходно также положение рук. Нижняя часть платья до подрезанного инструментом края передана в виде косых расходящихся бороздок.

Статуэтка изготовлена из теста мелкой отмучки, черепок в изломе плотный, с ровным качественным обжигом; поверхность окрашена ярким красновато-коричневым ангобом. Тыльная часть разглажена пальцем, сохранились следы вдавлений, сделанных для получения более четкого оттиска. Высота сохранившейся головки — 4 см, ширина — 4 см.

Анализ антропоморфных терракот Мирзакултепа дает возможность отметить ряд характерных признаков раннекушанской пластики. Рассмотренные терракоты выполнены в технике низкого рельефа, края заготовки после оттиска, как правило, срезаются инструментом по внешнему контуру изображения. Для более четкого оттиска мастеров дополнительно надавливают на тыльную сторону заготовки, а в результате почти на всех изображениях с обратной стороны сохранились следы вдавлений либо пальцем, либо ладонью.

Иконографически все терракоты подчинены единому принципу построения: фронтальная поза, традиционное положение рук (прижаты к груди и к поясу или же обе руки покоятся на поясе). Костюм на терракотовых изображениях, несмотря на отсутствие некоторых деталей, в целом повторяет форму одеяния кушанских царственных особ, запечатленных в статуарных произведениях (статуя мужчины и фрагмент статуи Канишки из Сурх-Котала)⁷. На монетных изображениях длинное, расходящееся к основанию платье можно видеть в чекане Вимы Кадфиза и Канишки. Рукава платья украшаются нашивными бляшками различных конфигураций; на публикуемых терракотах они изображены путем нанесения инструментом округлых и треугольных вдавлений. Аналогичным способом передаются нашивные и нагрудные украшения. О богатом украшении кушанского платья свидетельствуют материалы погребений зпати на Тилля-тепе (Афганистан).

Несколько особняком стоит терракотовая головка, найденная в заполнении ямы. Подобный тип статуэтки был обнаружен в позднекушанских слоях городища Зартепа⁸. Изображение, по утверждению автора находки, использовалось «в качестве налеса на сосуде»⁹. Головка найдена в заполнении над первым полом помещения II. Позднекушанские слои городища Зартепа на основе анализа керамического комплекса и данных нумизматики датируются IV — началом V в. н. э.¹⁰ Об относи-

⁶ Терракота хранится в фондах Сурхандарьинского областного краеведческого музея (Термез).

⁷ Пугаченкова С. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. С. 133—134.

⁸ Завьялов В. А. Позднекушанская антропоморфная терракота Зартепа// КСИА. № 167. М., 1981. С. 65—69.

⁹ Там же. С. 67.

¹⁰ Там же. С. 69.

тельно поздней дате мирзакултепинской головки говорят акже качество черепка, яркий, красновато-коричневый ангоб; совпадает и высота рельефа (2 см). Все это, включая идентичность иконографических признаков, сближает данные терракоты хронологически, расширяя вместе с тем круг распространения рассматриваемого образца.

Зооморфная терракота. Изображение слона. Фигурка вылеплена вручную из длинной округло скатанной заготовки с выделенными из нее конечностями. Туловище животного показано глубокими вертикальными бороздками, следующими от спины к животу. Головая (фрагментарна) уплощенной формы с выделенными ушами, поверхность головы также исчерчена бороздками. По одной бороздке — на передних ногах. Хобот также испещрен поперечными линиями, передающими в данном случае линии складок. Глаза животного показаны в условной манере, в виде ровных округлых лепешечных наделов с проделанными в центре отверстиями. На месте хвоста сохранился скол треугольных очертаний, свидетельствующий о его короткой форме.

Терракота изготовлена из глины с примесью шамота, речного песка. Черепок в изломе розоватого цвета, фактура рыхлая. Обжиг равномерный, качественный. Длина фигурки — 8,8 см, высота — 7 см.

Терракотовые статуэтки слонов — явление довольно распространенное на территории Бактрии — Тохаристана. Изображение слона в репертуаре бактрийских коропластов занимает, наряду с изображениями обезьян и других зооморфных мотивов буддийского толка, заметное место. Появление изображения слона в терракотовой пластике Бактрии вовсе не указывает на какие-либо хронологические рамки бытования этих животных на рассматриваемой территории. Письменная традиция свидетельствует о более древних периодах истории Бактрии, когда практиковалось использование слонов в боевых целях. В качестве изобразительного мотива образ могучего животного, олицетворяющего исполнинскую мощь и твердыню, служил для многих поколений торевтов, медальеров и других представителей художественного ремесла как предшествующей, так и последующих эпох¹¹. Терракотовая статуэтка слона из Мирзакултепа относится к числу наиболее ранних изображений подобного типа для северобактрийского региона.

Изображение животного (джебран?). Фигурка вылеплена в аналогичной манере из целой скатанной заготовки. При передаче головы животного, помимо ручной лепки, мастер использовал инструмент. Так, отверстия заостренных, поднятых вверх ушей переданы путем выбора глины полый трубкой. Глаза показаны в виде больших лепешечных наделов с продавленными в центре отверстиями, нанесенными тем же инструментом. Носовые отверстия обозначены треугольными вдавлениями, рот передан глубокой косою линией, на массивные округлой формы рога нанесены горизонтальные насечки.

Терракота изготовлена из тонкоотмученной глины, черепок плотный, излом желтовато-коричневого цвета, с ровным качественным обжигом. Поверхность фигурки окрашена неравномерно, в основном ангобом покрыта верхняя часть. Цвет ангоба неровный, от светло-коричневого до коричневого оттенка. Высота фигурки (сохранившаяся) — 10 см.

Головка животного. Фрагмент зооморфного изображения представляет собой головку животного с мощными загнутыми вверх рогами. Довольно короткая морда с едва заметным утолщением книзу украшена огромными круглыми глазами, показанными в виде округлых лепешечных наделов с продавленными в центре зрачками. Ротовое отверстие показано горизонтально продавленной линией, в аналогичной манере выполнены три вдавления на носу, передающие, по всей вероятности, складки. Судя по очертаниям и форме рогов, животное более всего напоминает быка (буйвола?). Фигурка вылеплена из глины тонкой отмучки с примесью шамота; черепок серовато-желтого цвета, обжиг ровный. Верхняя часть головы окрашена ангобом черного цвета, окраска проходит широкой полоской и между рогами. Высота головки — 5,5 см.

Зооморфная ручка сосуда. Зооморфная головка украшает верхнюю часть ручки и вылеплена из единой заготовки, предназначенной для изготовления самой ручки. Головка животного (барана?) сохранилась неполностью. Глаза переданы в виде маленьких округлых наделов с вдавлениями по центру. Рога изображены скрученным жгутиком с косыми насечками, передающими поверхность рогов. Ручка найдена в яме, откуда была извлечена также монета Канишки.

Все зооморфные терракотовые фигурки из Мирзакултепа объемны, вылеплены вручную с большой долей обобщения и схематизации. При создании терракотового изделия мастер пользуется инструментом; это, как правило, полая трубочка, инструмент с острой рабочей стороной для подрезки заготовки и других операций или же с заостренным концом для наколов. Для всех зооморфных фигурок характерна однообразная манера передачи глаз в виде больших округлых лепешечек с продавленными в центре кружочками.

Самыми многочисленными в комплексе Мирзакултепа являются фигурки всад-

¹¹ Абдуллаев К., Аннаев Т. Изображение слона в искусстве античной Бактрии//Природа. 1986. № 5. С. 46—49.

ников, Среди них, к сожалению, нет ни одной полностью сохранившейся. Это — либо изображение лошадок со следами налепа всадника, либо изображения самих всадников, либо сильно фрагментированные фигурки, от которых сохранились часть всадника и лошадки.

Фигурка всадника. Вылеплена в обобщенной манере, детали расчленены из единой массы заготовки, представлявшей скатанную «колбаску». Голова почти не выделена, сидит на толстой шее, черты лица предельно схематизированы. Головка в целом передана характерным приемом «защипа», вмятины от пальцев образуют большие глазницы, между тем как выступающая часть передает горбатый нос. Рот обозначен также ногтевидным вдавлением. Интересен головной убор, представляющий собой в основном широкую полосу, охватывающую лобную часть и следующую назад в виде свободно свисающих концов. Полоска орнаментирована перпендикулярными вдавлениями. Верхняя часть убора — остrokонечной формы. Примитивная манера лепки накладывает отпечаток статичности; застывшая фигурка всадника пригнута вперед, как бы склонившись к гриве коня.

Терракота изготовлена из глины тонкой отмучки, излом черепка розоватого оттенка, тесто без видимых примесей. Обжиг равномерный, качественный, следы ангобной краски отсутствуют. Фигурка была обнаружена в помещении 57 на уровне 1-го пола.

Фигурка лошади со всадником. Терракота выполнена в аналогичной манере с известной долей схематизации. Туловище лошади укороченных пропорций, грива выделена уплощенным выступом. Вытянутые и приплюснутые уши животного имеют в центре ногтевидные вдавления, передающие ушные отверстия, между ними в верхней части лба выступает вперед хохолок. Фигурка всадника вылеплена из цельного куска глины с выделенными конечностями. Тело его вплотную прижато к гриве лошади. Задняя часть корпуса всадника как бы разглажена по спине животного с целью более прочного крепления. Ноги всадника показаны слабовыраженными рельефами, следующими вдоль передних ног лошади; руки, охватывающие шею лошади, выполнены в аналогичной манере. Фигурка вылеплена из глины тонкой отмучки. Излом розовато-коричневого оттенка, с ровным качественным обжигом. Сохранившаяся высота — 7,5 см. Терракота найдена в помещении 63 на уровне 1-го пола.

Миниатюрное изображение всадника. Фигурка предельно обобщена, вылеплена из небольшого кусочка глины, с короткими руками, охватывающими шею лошади. Ноги всадника переданы едва заметными рельефами, как бы расплюснутыми по корпусу лошади — прием крепления, аналогичный описанному выше. Фигурка лошади — укороченных пропорций, с головой в виде уплощенного треугольника. Терракота изготовлена из грубоотмученной глины с включением песка и шамота; обжиг ровный, излом розоватого оттенка. Поверхность терракоты окрашена ярким ангобом красного цвета. Сохранившаяся высота фигурки — 4,5 см. Найдена она в помещении 63.

Аналогичное изображение. Терракота изготовлена из тонкоотмученной глины, излом желтовато-коричневого цвета, с ровным обжигом. Максимальная высота фигурки — 5 см. Найдена в помещении 69.

Фигурка лошади. Терракота сильно фрагментирована, на спинке лошади сохранились следы от фигурки всадника. Ноги животного вылеплены массивными валиками, на шее — скол треугольной формы, грива выделена защипами. Изготовлена терракота из глины тонкой отмучки без видимых примесей, излом светло-коричневого цвета, с ровным качественным обжигом. Поверхность фигурки покрыта светлым ангобом. Высота сохранившегося фрагмента — 7,5 см. Терракота найдена в центре коридора.

Изображение всадника. Терракота сильно фрагментирована. Манера лепки сходна с предыдущими образцами. Хвост лошади загнут жгутиком на правую ногу. Сохранилась нижняя часть фигурки всадника, представляющая собой вытянутые вдоль передних ног лошади рельефные полосы, внешние края которых разглажены пальцами (прием крепления). Излом терракоты желтовато-коричневого цвета, с ровным обжигом; поверхность покрыта ангобом светлых оттенков; тесто мелкой отмучки; высота — 7 см. Фигурка найдена в помещении 57.

Фигурка лошади. На спине сохранились следы креплений всадника; длинные вдоль передних ног и «следы рук» на гриве. Приемы лепки в основном аналогичны описанным выше. Высокая грива, выделенная защипом, переходит в короткую челку, спадающую на лоб. Рот обозначен горизонтальной вдавленной линией, глаза изображены наколами полой трубочки с просверленными в центре отверстиями. Заостренные, поднятые вверх уши дополнительно обозначены ногтевыми вдавлениями, передающими ушные отверстия. Фигурка изготовлена из тонкоотмученной глины с включением песка. Излом черепка серовато-розовый, обжиг равномерный; высота — 10 см. Фигурка найдена в 1-м ярусе помещения 58.

Как показывает анализ описанных экземпляров, терракоты данного типа демонстрируют близкие, а во многом и схожие приемы пластической передачи образа всадника. На всех образцах угадывается примерно единая манера лепки с известной долей обобщения деталей и образа в целом. Несомненный интерес представляет

головной убор на одной из терракот, дающий некоторую информацию о головных уборах ранних кушан. Головной убор аналогичной формы или близких очертаний дают материалы Халчаяна¹², в частности скульптурные изображения юношей-гирляндоносцев. С этого же памятника происходят статуэтки всадников и близкие к ним иконографии мужские фигурки с сомкнутыми ногами. Особенность последнего типа объясняет находка фигурного сосуда на городище Халчаян, в помещении 5 Западного дома. Сосуд был расчищен между полами периодов III и IIIa, относящимися ко времени между I в. до н. э. и I—II вв. н. э.¹³ Таким образом, терракотовые фигурки всадников из Мирзакултепа укладываются в единый временной отрезок, как и аналогичные статуэтки из Халчаяна.

Большое количество лепных статуэток всадников было собрано Л. И. Альбаумом на археологических памятниках Ангренского района. Автор публикации датирует данную группу более поздним временем (VI—VII вв.), связывая их многочисленность и примитивную манеру вааяния с кризисом городской жизни и сближая их с согдийскими «всадниками с булавами», которых исследователи относят к VI—VIII вв.¹⁴

Терракотовые статуэтки всадников, многочисленные и в коропластике Мерва, датируются Л. И. Ремпелем III—IV вв. н. э. Грубость и чрезвычайная обобщенность пластического образа объясняются исследователем «оттеснением на задний план и утратой скульптором-коропластом художественно-эстетической функции статуэток»¹⁵.

Датировка находок этой категории, на наш взгляд, представляется более убедительной на основе анализа керамического комплекса или другого сопутствующего материала, так как иконографическая близость разновременных образцов свидетельствует не о художественной деградации образа, созданного скульптором-коропластом, а о принадлежности их к продукции гончаров-керамистов. Приемы передачи пластического образа («защип», наколы полый трубочкой, острым инструментом, подрезка и т. д.) сближают эти терракоты с приемами декорировки и орнаментации керамических изделий.

Характерная особенность терракотовой пластики ранних кушан, как показывают образцы из Мирзакултепа,— ее «кочевнический» облик. Иконография на терракотовых скульптурах еще не подверглась влиянию эллинистической изобразительной традиции, как это можно видеть на монетных изображениях.

Близкие приемы в художественной трактовке изображений всадников дают материалы с городища Саксанохур, относимые автором находок к средне- и позднекушанскому периодам и также связанные своими истоками с миром степных кочевников¹⁶.

К. Абдуллаев, Ш. Пидаев

¹² Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1971. С. 24, 25.

¹³ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966. Рис. 107. С. 228—229.

¹⁴ Альбаум Л. И. Балалыктепа. Ташкент, 1960. Рис. 19; Trever K. V. Terracottas from Afrasiab. М.; Л., 1934; Заславская Ф. А. Терракотовые статуэтки с булавами из Афраснаба в собрании Музея истории УзССР//Труды Музея истории УзССР. Вып. III. Ташкент, 1956. С. 88.

¹⁵ Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и каменные статуи Нисы//Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1950. С. 352.

¹⁶ Мухитдинов Х. Ю. Саксанохурские матрицы для формовки мужских статуэток//Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. Душанбе, 1987. С. 98—100. Рис. 8—9.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ

ИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ

ПО ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА В ПРЕПОДАВАНИИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Ныне, когда проблемы реализации теоретических положений научного социализма в нашей стране обрели особую актуальность, большой интерес вызывает глубокое и всестороннее изучение конкретных материалов по каждому региону, каждой республике Союза. Эти материалы следует широко использовать и в процессе преподавания вузовского курса научного социализма¹, который, как и другие курсы по общественным дисциплинам, претерпевает сейчас значительные изменения и качественно обновляется в свете задач перестройки и революционного обновления всех сфер жизни нашей страны на базе решений XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной партконференции, апрельского (1985) и последующих Пленумов ЦК КПСС. Как

¹ В текущем учебном году в вузах взамен курса научного коммунизма введен курс научного социализма с внесением ряда существенных изменений в учебную программу.

подчеркнул в речи на пленуме ЦК КП Украины 28 сентября 1989 г. М. С. Горбачев, «Развитие теории научного социализма на современном уровне, разработка всего круга относящихся сюда проблем становятся приоритетной задачей нашей общественной науки».

Из этих требований и исходят в своей повседневной учебно-воспитательной работе преподаватели кафедры научного социализма Кокандского госпединститута им. Мукими.

Уже в процессе чтения темы «Введение. Что и как изучает научный социализм» подчеркивается интернациональная сущность предмета и дается обоснованная критика любых проявлений местничества и национальной ограниченности, равно как и национального нигилизма.

Раскрывая роль и значение научного социализма для республик Средней Азии, преподаватели делают особый акцент на ленинской теории некапиталистического пути развития народов ранее отсталых стран и разъясняет студентам, что национальный вопрос является составной частью главного вопроса марксизма-ленинизма — о диктатуре пролетариата и социалистической революции.

Говоря о значении научного социализма для выработки политической стратегии и тактики Компартий республик Средней Азии, преподаватели подробно характеризуют специфику конкретных задач партийных организаций этих республик.

В лекциях отмечается, что здесь, на отсталой в прошлом, колониальной окраине царской России, за годы Советской власти созданы передовая индустрия, крупное механизированное сельское хозяйство, круто изменились быт и культура народа. В результате земельно-водной реформы 20-х годов в Средней Азии были ликвидированы феодально-помещичьи владения, изъяты излишки земли у байских хозяйств. Дехканство освободилось от земельной ренты, изменилась социальная структура кишлака, где центральной фигурой стал середняк.

Эти и другие революционно-демократические преобразования обеспечили республикам Средней Азии переход от докапиталистических отношений к социалистическим.

При проработке темы «Демократические и социалистические идеи в домарксистской общественно-политической мысли» преподаватели разъясняют студентам значение утопического социализма и его историческую ограниченность. После изложения основных идей утопического социализма русских революционных демократов дается характеристика прогрессивных взглядов передовых ученых-мыслителей Востока. Так, преподаватели рассказывают студентам о том, что Алишер Навои (1441—1501) — великий узбекский поэт, мыслитель и государственный деятель, гуманист, борец против деспотизма и произвола, выступал защитником угнетенных людей труда. Навои осуждал феодальные усобицы, корыстолюбие и жестокость вельмож, произвол беков, лицемерие и ханжество мусульманского духовенства, утверждал идеалы справедливости. В своем философско-дидактическом сочинении «Возлюбленный сердце» он высказал свои мечты о наилучшем устройстве человеческого общества. Навои верил в конечную победу светлого начала в жизни.

Говорится в лекциях и о том, что Закирджан Халмухаммед Фуркат (1858—1909) — выдающийся узбекский поэт-мыслитель, публицист, утверждал достоинство человека, выступал против религиозного мистицизма и аскетизма. В своих стихах социального содержания поэт скорбит о тяжелой жизни трудящихся, осуждает несправедливое общество. Фуркат подчеркивал также важное значение русской культуры для народов Средней Азии. Его идеи сыграли большую роль в развитии литературы, общественной мысли, в борьбе против феодально-патриархальных устоев.

Узбекские поэты-просветители призывали народ овладевать достижениями русской, европейской культуры. Они осуждали косные обычаи, фанатизм ислама, протестовали против рабского положения трудящихся масс. Так зарождались и крепились идеи интернациональных экономических, политических и культурных связей народов Средней Азии и России.

Подробно осветив ленинский этап развития научного социализма, творческое развитие марксизма в новых исторических условиях, преподаватели обстоятельно раскрывают значение доклада В. И. Ленина по национальному и колониальному вопросам на II конгрессе Коминтерна, где он подчеркивал, что «Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»². Затем говорится о том, как эти ленинские программные положения стали генеральной линией КПСС и ее боевых отрядов — Компартий республик Средней Азии.

В. И. Ленин указывал, что необходимо создать «самостоятельные кадры» борцов, партийные организации... повести немедленно пропаганду за организацию крестьянских Советов...»³ И эта ленинская идея нашла свое воплощение в Узбекистане и других республиках Советского Востока.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 246.

³ Там же.

Преподаватели на конкретных примерах раскрывают тесную связь творческого развития научного социализма с практикой революционной борьбы народов Востока, интернациональный характер ленинизма, а также развитие научного социализма марксистско-ленинскими партиями Средней Азии в своеобразных условиях региона.

При освещении вопросов темы «Немарксистские социально-политические концепции XX века» внимание студентов обращается на то, что трудящиеся, прогрессивные силы всех стран выступают под флагом пролетарского интернационализма в борьбе за мир, демократию, национальную независимость и социальный прогресс.

В лекциях подробно говорится о роли и значении научного социализма в борьбе против национализма и шовинизма в период социалистического строительства, раскрывается классовая сущность национал-уклонизма всех мастей. Особо отмечается тот факт, что наши идеологические противники всячески извращают ленинскую национальную политику КПСС, искажают ход социалистического строительства в национальных регионах, сеют недоверие между народами СССР, извращают ход и содержание идейной борьбы КПСС против шовинизма, национализма и религиозных шатаний. Этот материал преподаватели преподносят, опираясь на законы развития общества и практику строительства социализма в СССР, подтверждая теоретические положения примерами из практики развития межнациональных отношений в нашей стране, не закрывая глаза на упущения, ошибки, допущенные в этой сфере жизни советского общества. Широкое использование материалов сентябрьского (1989) Пленума ЦК КПСС, безусловно, позволит еще более повысить идейно-теоретический уровень лекций на указанную тему.

При изложении темы «Переход к социализму: чему учит многообразный исторический опыт. Альтернативные концепции строительства социализма» студентам дается наглядное представление об этапах становления и развития социалистического общества, о специфике перехода к социализму народов Средней Азии, миновавших капиталистическую стадию развития. Подчеркивается, что ленинская теория перехода ранее отсталых стран к социализму некапиталистическим путем легла в основу деятельности всех Компартий республик Средней Азии. Особо отмечается значимость проведения в жизнь ленинской национальной политики в решении задач переходного периода, решительной борьбе с национал-уклонизмом.

Большое внимание уделяется вопросу о национально-государственном размежевании Средней Азии (1924), его объективной необходимости, соответствии свободному волеизъявлению народов региона, подчеркивается историческое значение этого государственно-политического акта в реализации принципов суверенитета и равенства всех народов, формировании социалистических наций, развитии их экономики и культуры, укреплении дружбы и сотрудничества народов, успешном решении задач социалистического строительства.

Очень много внимания уделяется в лекциях показу трудностей, ошибок, иных объективных и субъективных факторов, осложнявших решение задач переходного периода и вообще строительство социализма в республиках Средней Азии: необходимость преодоления общей отсталости, сильного влияния религии ислама, пережитков старого быта, националистических предрассудков; острая нехватка кадров и материальных ресурсов; искажение ленинских идей социалистической индустриализации, кооперирования крестьянства и осуществления культурной революции под влиянием тяжелейших последствий культа личности и т. д. Однако все это не дает оснований для отрицания наших достижений на трудном, неизведанном пути строительства новой жизни.

Умелое использование богатого местного материала в тесной увязке с общесоюзным материалом, глубокий анализ и обобщение его с позиций марксистско-ленинской теории позволяют студентам успешнее усваивать курс научного социализма, воспитывают их в духе пролетарского интернационализма и советского патриотизма. Органичное введение местного материала способствует усилению научной и практической значимости лекций и семинарских занятий, их эффективности и роли в повышении сознательности студенческой молодежи, ее гражданской активности, стремления включиться во всенародное дело революционного обновления советского общества на базе нового мышления и перестройки в свете решений XXVII съезда партии, XIX Всесоюзной партконференции, апрельского (1985) и последующих Пленумов ЦК КПСС.

М. Ю. Саямов

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, Р. М. БАХАДИРОВ.
АБУ АБДАЛЛАХ АЛ-ХОРЕЗМИ. X ВЕК**

(М.: Наука, 1988. 142 с.)

В 1988 г. в Москве в серии «Научно-биографическая литература» вышла в свет книга М. М. Хайруллаева и Р. М. Бахадирова, посвященная Абу Абдаллаху Хорез-

ми. Изданный в центре историко-философский труд ученых Узбекистана дает обстоятельное освещение жизни и творческой деятельности выдающегося ученого-энциклопедиста X в., создавшего оригинальную энциклопедию «Мафатих-ул-улум» («Ключи наук»), содержащую наиболее полную классификацию наук того времени.

Рецензируемая работа содержит также подробный обзор зарубежной и советской литературы, посвященной Хорезми и его вкладу в науку.

Исследователи рассматривают научные достижения Хорезми не как некий изолированный феномен, а как закономерное следствие, составной компонент развития научных знаний той эпохи, неразрывно связанный с общественно-исторической практикой своего времени. В этой связи большой интерес представляет раздел книги «Из истории учения о классификации наук. Предшественники Абу Абдаллаха ал-Хорезми». Здесь, в частности, анализируются классификации наук, разработанные ал-Кинди, ар-Рази, Фараби, Ибн ан-Надимом и др.

Особое внимание уделено классификации наук, осуществленной Хорезми, и принципам ее построения, причем подчеркивается оригинальный подход Хорезми к решению данной проблемы.

Классификация наук Хорезми позволяет фиксировать закономерную связь между античной, прежде всего древнегреческой, и арабо-мусульманской наукой. Однако, на наш взгляд, авторы слишком буквально и прямолинейно подчеркивают роль древнегреческого влияния (с. 12—17, 22—23, 31—35 и след.), хотя для самих авторов очевидно, что Хорезми не мог не знать о значительном влиянии древневосточной науки, в частности античной Средней Азии, Индии, Ирана и др. Следует также учитывать социально-исторические, идеологические, гностические даже психологические нюансы развития духовного мира арабо-мусульманского общества.

Авторы подробно раскрывают характерные черты, закономерности развития и важнейшие достижения ближневосточной науки, нашедшие отражение в труде Хорезми. Его «Ключи наук» убедительно подтверждают тот факт, что ближневосточная наука явилась новым важным закономерным этапом в развитии мировой науки, весьма плодотворным его звеном, а вместе с тем это сочинение Хорезми является одним из ранних и уникальных источников по истории науки. Оно представляет большой интерес и как отражение опыта языковой консолидации арабо-мусульманских народов, дает ключ к правильному прочтению и интерпретации многих средневековых терминов и т. д.

Важно отметить, что исследователи не ограничились историко-познавательным описанием творчества Хорезми, просветительским изложением его биографии, а приняли удачную попытку выявить мировоззренческие позиции ученого-мыслителя (с. 108—127).

Рецензируемая работа не лишена и отдельных недочетов. Прежде всего надо было упустить из виду, что труд Хорезми, сколь бы ни был он уникальным для нашего времени, все же представлял собой прикладной справочник для кاتبов. Такое же предназначение имели «Фихрист» ан-Надима (перечень библиотечных фондов), «Жомеъ-ул-улум» Фахриддина Рази (учебное пособие-мухтасар по основам наук, написанное специально для сына хорезмшаха). Поэтому, как нам кажется, не совсем уместно проводить аналогии между ними и «Ихсо ал-улум» Фараби, «Аксам улум ал-аклийа» Ибн Сины как собственно методологическими трудами по классификации наук. Что касается сочинений Хужвири, Ж. Суюти и др., то их можно рассматривать в качестве трудов по классификации наук только в относительном смысле. О «классификации» же Газали надо сказать, что в своем труде «Тахафут-ул-фаласифа» он, по его же словам, старался лишь беспристрастно излагать учение Фараби, Ибн Сины и др., в том числе их системы классификации наук (с. 112, 115).

Встречаются в работе и моменты необоснованного «возвышения» Хорезми по сравнению с Фараби и другими мыслителями (с. 111). Допущена неточность при характеристике идейных позиций Ибн Рушда (с. 115) и т. д.

Но в целом рецензируемая книга заслуживает безусловно положительной оценки и остается лишь пожелать издания ее (с соответствующей доработкой) на узбекском языке.

А. Шарипов, А. Захидов

НОВЫЕ КНИГИ

В. Н. ГРИГОРЬЕВ. ЗАДЕРЖАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

(Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1989. 121 с.)

В постановлении Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. «О решительном усилении борьбы с преступностью» предложено принять эффективные меры, позволяющие сотрудникам органов внутренних дел и прежде всего милиции решитель-

тельно пресекать действия преступных элементов¹. Одной из острых мер, направленных на пресечение преступлений, является задержание подозреваемого. Обобщению накопленного органами внутренних дел опыта по задержанию подозреваемых, анализу законодательного регулирования и практической реализации этой меры, осмыслению ее современных тенденций и посвящена работа В. Н. Григорьева, состоящая из введения и трех глав, в которых подробно рассматриваются понятие и порядок задержания подозреваемого, способы фиксации его обстоятельств.

В отличие от традиционного подхода, при котором внимание уделяется главным образом уголовно-процессуальной форме задержания (основаниям, мотивам, порядку составления протокола, срокам и т. д.), автор концентрирует свое внимание на реальной деятельности органов внутренних дел. В результате в поле зрения оказалась и та ее часть, которая не регламентирована в УПК (основания доставления заподозренного в служебное помещение; захват лица; изъятие при захвате оружия, уличающих предметов и документов; конвоирование лица в служебное помещение; разбирательство с доставленными и т. д.).

Комплексный анализ позволил построить обобщенную теоретическую модель, которая дает целостное представление о системе деятельности органов внутренних дел по задержанию подозреваемого и динамике ее отдельных элементов, способствует выявлению пробелов, имеющих в законодательном регулировании, и решению многих спорных вопросов теории и практики задержания.

Автор впервые в юридической литературе подробно аргументирует положение о том, что задержание является начальным этапом заключения под стражу. Обоснованно подчеркивается, что задержание по сути представляет собой специфический случай ареста, когда санкция прокурора также требуется, но в отличие от обычных случаев она дается не до лишения лица свободы, а на его начальном этапе (не позднее семидесяти двух часов) (с. 13—14). Тем самым обеспечивается конституционность данной меры.

Трактовка задержания подозреваемого как начального этапа заключения под стражу раскрывает сущность данной меры уголовно-процессуального принуждения, однако не исчерпывает его характеристики. В системе деятельности органов внутренних дел по задержанию лишение подозреваемого свободы составляет лишь один из элементов. В этой связи важное значение приобретает данный в книге анализ всей этой системы. Задержание рассматривается как целостная динамическая система, включающая все действия, начиная с захвата лица, доставления в служебное помещение, водворения его в изолятор органов внутренних дел для временного содержания задержанных и заключенных под стражу лиц (ИВС) и кончая разрешением вопроса о применении меры пресечения (с. 20).

Значительное место в работе занимает характеристика конкретных элементов задержания подозреваемого. Особое внимание уделено недостаточно освещенной в юридической литературе специфике задержания при непосредственном обнаружении общественно опасного деяния. Автору принадлежит заслуга в скрупулезном исследовании нормативных оснований деятельности работников милиции в различных ситуациях. На основе решения теоретических проблем даются практические рекомендации. В частности, представляется весьма уместной рекомендация указывать в составляемых при задержании документах (актах, протоколах, рапортах) законодательный акт, на основании которого производятся те или иные действия (захват, изъятие, доставление и т. д.), со ссылкой на конкретную статью закона (с. 104—105). Такой порядок позволит избежать нередких еще на практике ошибок и недоразумений при оценке законности этих действий.

Заслуживают поддержки убедительно обоснованные и тщательно сформулированные предложения по совершенствованию нормативного регулирования задержания подозреваемого, устранению имеющихся в законе пробелов (с. 16, 28, 45—46, 52, 71, 97 и др.).

Книга отличается обилием деталей, с которыми не часто встречаешься в юридической литературе. Так, читатель узнает о множестве журналов и книг, применяемых для регистрации действий при задержании, о том, какие записи в них производятся, и т. д.

Рассчитанная на курсантов, слушателей и преподавателей учебных заведений МВД СССР, практических работников органов внутренних дел, работа В. Н. Григорьева представляет собой также полезное пособие для студентов юридических институтов и факультетов, прокурорских и судебных работников, сталкивающихся с анализом и оценкой законности действий работников милиции при задержании.

Г. П. Саркисянц, И. А. Зинченко

¹ Известия. 1989. 6 авг.

**А. В. ЗВЕДЕНЮК. СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
(ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

(Ташкент: Фан, 1989. 186 с.)

Предлагаемая вниманию читателя работа носит многоплановый характер. В ней рассматривается широкий круг философских вопросов. Однако все они исследуются с совершенно определенной точки зрения — раскрытия гносеологических аспектов научного знания.

Книга состоит из введения и четырех глав. Во введении подчеркиваются актуальность и слабая разработанность исследуемой темы, намечаются предполагаемые пути поиска ее решения. Обращается внимание на то, что гносеологические аспекты лежат в основе решения коренного вопроса знания — выявления сущности его развития, что не получило должного отражения ни в зарубежной, ни в отечественной литературе. Обобщение разрозненных сведений о проблеме концентрируется вокруг анализа диалектического противоречия познания, основной функцией которого, по мнению автора, является развитие знания и вычленение его аспектов гносеологического характера.

Для создания целостной системы становления знания автор привлекает ряд общеметодологических принципов, причем отмечается недостаточная разработка самого понятия «принцип». Между тем их разработка позволяет сделать существенные выводы, восполняющие пробелы на пути к созданию целостной диалектически противоречивой системы становления научного знания. Как считает автор, благодаря принципу отражения удается обосновать циклическую необходимость постоянного воспроизведения процесса познания, его относительную законченность и целостность. Взаимодействие двух важнейших форм отражения (отражения-процесса и отражения-результата) рассматривается как ключ к уяснению внутренней дифференцированности процесса становления знания: как взаимодействие процесса содержательного становления знания и его формализованного результата.

Убедительно аргументируется то положение, что анализ взаимодействия отражения с творчеством позволяет выявить гносеологический характер новизны знания; знание в формальной логике пользуется результатами гносеологических процессов и не вносит в него принципиальной новизны. На основе этого принципа возможно осмыслить расщепление в нашем знании объективной реальности на форму и содержание, абстрактное и конкретное, тождество и различие, теоретическое и эмпирическое, чувственное и логическое, смысл и значение и т. д. Обосновывается возможность получить знание в его относительно независимой всеобщности, абстрагированности, в виде формы, определенности. Важную методологическую роль в становлении знания выполняют и другие свойства принципа отражения.

Далее рассматриваются вопросы влияния практики на становление научного знания. Автор предлагает и разрабатывает подход об относительной независимости и диалектическом взаимодействии практической и духовно-познавательной деятельности в более общих рамках деятельностного отношения человека к действительности.

В работе выявляются важные особенности становления знания, раскрывается место непротиворечивости в этом процессе. Автор подчеркивает, что развитие знания представляет собой систему взаимодействия содержательности диалектической противоречивости и формальности формально-логической непротиворечивости, которая также глубоко диалектична.

Далее обстоятельно анализируется роль диалектического противоречия познания в становлении научного знания.

Подробно исследуется в работе и системность как принцип научного познания.

Переходя к рассмотрению исходных элементов развития научного знания, автор прежде всего анализирует теоретико-познавательные связи определения. Затем раскрываются особенности предпроблемного состояния знания и гносеологический характер проблемной ситуации. При этом обосновывается основная функция проблемной ситуации в процессе становления научного знания — непосредственный скачок от формальности к содержательному движению диалектических противоположностей.

Много внимания уделено в работе содержательным аспектам становления научного знания. При этом, в частности, рассматриваются взаимодействие диалектических противоположностей, синтетический и интуитивный характер становления научного знания. И, наконец, в заключительной главе характеризуются результаты становления научного знания.

Книга рассчитана на научных работников, аспирантов, преподавателей вузов, слушателей университетов марксизма-ленинизма.

М. Х. Хасанов, П. Н. Қалощин

МУНДАРИЖА

Т. С. Нуруллаев. Илмий-техник жараёни жадаллаштиришнинг долзарб масалалари	5
Ш. Ф. Ҳакимов. Моддий маблағ билан рағбатлантириш тўғрисидаги қонунчилик мажмуининг тараққиёти	13
Р. А. Сафаров. Маҳаллий матбуот системасини қайта қуриш ҳақида	17
Г. Н. Усмонов. Ҳақиқат ва иштибоҳ идеалининг альтернатив гносеологик модалликлари тарзида	24

Тарих саҳифалари

Р. Х. Аминова. 20-йилларда Ўзбекистондаги аграр туб ислоҳотлар	32
--	----

Илмий ахборот

С. Н. Брежнева. 1945—1960 йилларда Ўзбекистонда қасаба союз ходимларини тайёрлаш тарихидан	41
П. Г. Булгаков. X аср охирларида ўртаосиё-эрон илмий алоқалари тарихига оид	45
У. Уватов. Ал-Қосим ибн ал-Ҳусайн—Хоразмнинг XII—XIII асрлардаги шоири ва адиби	49

Фан янгиликлари: изланишлар, топилмалар, кашфиётлар

К. Абдуллаев, Ш. Пидаев. Мирзакултепадан топилган илк қуш терракота пластикаси	52
--	----

Олий ўқув юрти ўқитувчиларига ёрдам

М. Ю. Саломов. Илмий социализмдан дарс беришда Ўзбекистон тарихи материалларидан фойдаланиш тажрибасидан	57
--	----

Танқид ва тақриз

А. Шарипов, А. Зоҳидов. М. М. Хайруллаев, Р. М. Баҳодиров. Абу Абдуллах ал-Хоразмий. X аср	59
--	----

Янги китоблар

Г. П. Саркисяиц, И. А. Зинченко. В. Н. Григорьев. Ички органлар томонидан шубҳали шахсни тутиб қолмоқ	60
М. Х. Ҳасанов, П. Н. Қалошин. А. В. Зведенюк. Илмий билишнинг шаклланиши (билиш назарияси аспекти)	62

СОДЕРЖАНИЕ

Т. С. Нуруллаев. Актуальные задачи ускорения научно-технического прогресса	5
Ш. Ф. Хакимов. Развитие законодательства о фондах экономического стимулирования	13
Р. А. Сафаров. О перестройке системы местной печати	17
Г. Н. Усманов. Истина и заблуждение как альтернативные гносеологические модальности идеального	24

Страницы истории

Р. Х. Аминова. Аграрные преобразования в Узбекистане 20-х годов	32
---	----

Научные сообщения

С. Н. Брежнева. Из истории подготовки профсоюзных кадров в Узбекистане в 1945—1960 годы	41
П. Г. Булгаков. К истории среднеазиатско-иранских научных связей в конце X века	45
У. Уватов. Ал-Касим ибн ал-Хусайн — хорезмийский поэт и литератор XII—XIII веков	49

Новое в науке: поиски, находки, открытия

К. Абдуллаев, Ш. Пидаев. Раннекушанская терракотовая пластика из Мирзакултепа	52
---	----

В помощь преподавателям вузов

М. Ю. Салямов. Из опыта использования материалов по истории Узбекистана в преподавании научного социализма	57
--	----

Критика и библиография

А. Шарипов, А. Захидов. М. М. Хайруллаев, Р. М. Бахадиров. Абу Абдаллах ал-Хорезми. X век	59
---	----

Новые книги

Г. П. Саркисянц, И. А. Зинченко. В. Н. Григорьев. Задержание подозреваемого органами внутренних дел	60
М. Х. Хасанов, П. Н. Калошин. А. В. Зведенюк. Становление научного знания (гносеологические аспекты)	62

НАШИ АВТОРЫ

- Аминова Р. Х.**—член-корреспондент АН УзССР, зав. отделом истории Узбекистана в условиях перестройки Института истории АН УзССР.
- Булгаков П. Г.**—член-корреспондент АН УзССР, главный научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Нуруллаев Т. С.**—доктор экономических наук, зав. отделом социально-экономических проблем НТП Института экономики АН УзССР.
- Салямов М. Ю.**—доктор исторических наук, доцент Кокандского ГПИ им. Мукими.
- Сафаров Р. А.**—доктор исторических наук, редактор газеты «Правда Востока».
- Абдуллаев К.**—кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Пидаев Ш.**—кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Уватов У.**—кандидат филологических наук, доцент востфака ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Усманов Г. Н.**—ст. преподаватель кафедры общественных наук ЦИУПУ им. К. Д. Ушинского.
- Брежнева С. Н.**—аспирант ТГПИ им. Низами.
- Хакимов Ш. Ф.**—аспирант Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349